

С. В. СИЛОВА

1941
1942
1943
1944
1945

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

С. В. Силова

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ 1941—1944 гг.

Минск
Белорусский Экзархат
2005

*По благословению
Высокопреосвященнейшего Филарета,
Митрополита Минского и Слуцкого,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси*

Силова С.В.

**КРЕСТНЫЙ ПУТЬ: БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ 1941—1944 гг.**

В книге содержатся сведения о некоторых сторонах церковной жизни в оккупированной Белоруссии, дается характеристика и приводятся многочисленные примеры патриотической деятельности белорусского православного духовенства в годы Великой Отечественной войны.

Предназначена для всех, кто интересуется историей.

ISBN 185-6678-57-9

© Силова С. В., 2004

*«Аще бо и пойду посреде сени смертных,
не убоюся зла, яко Ты со мною еси» (Пс. 22,4).*

ОТ АВТОРА

Чем дальше от нас события прошлого, тем более объективно можно их анализировать. Вторая мировая война унесла жизни каждого третьего жителя Белоруссии. Наша республика пережила ужас нацистской оккупации. Сейчас мы все более задумываемся о том, откуда черпали моральные и душевные силы люди, оставшиеся в оккупации, которые стремились не только выжить, но и бороться. Несомненно, что важное место в моральной поддержке населения занимала Православная Церковь, храм в годы оккупации был одним из немногих мест, где человек мог обратиться к Господу с молитвой о тех, кто воевал на фронтах, о тех, кто был в партизанах, о тех, чья судьба была неизвестна. За скупыми сводками Совинформбюро скрывались ужас, боль и надежда, которыми жило население Белоруссии с июня 1941 по июль 1944 года.

До сего времени оценки роли Православной Церкви в различные исторические периоды не являются однозначными. Это в полной мере относится и к периоду 1941 – 1945 годов. Представители советской исторической школы, изучавшие различные аспекты и стороны Великой Отечественной войны, не занимались рассмотрением церковных проблем, заведомо определяя роль Православной Церкви как реакционную, а политику, проводимую представителями православного духовенства, как пособническую нацистскому режиму. А ведь именно с началом Великой Отечественной войны патриотическая направленность деятельности Православной Церкви стала очевидной, что также никогда ранее не являлось предметом серьезных исследований. Право-

славные священнослужители воевали на фронтах Великой Отечественной войны, участвовали в партизанском и подпольном движении на территории Белоруссии, отдавали свои жизни ради победы над нацизмом. Следует вспомнить и о пастырской и гуманитарной деятельности духовенства, оставшегося со своими прихожанами в оккупации. Обо всем этом необходимо помнить и знать, что православное духовенство в полной мере разделило горькую судьбу всех тех, кто пережил войну.

История нашей страны сложна, интересна и противоречива. На протяжении многих столетий территория нынешнего государства — Республики Беларусь — входила в различные государственные образования и называлась по-разному. Автор оставляет за собой право употреблять термин «Белоруссия» как часть названия «Белорусская ССР», части СССР, государственного образования, которое существовало на момент описываемых событий.

Для удобства читателя автор использует современное территориально-административное деление Республики Беларусь.

Автор будет благодарна всем, кто располагает и готов поделиться материалами о той помощи, которую оказывали православные священники партизанам, подпольщикам на территории оккупированной Белоруссии. Свои отзывы прошу присылать по адресу: 230005, г. Гродно, ул. Брикея, дом 9, кв. 42, Силовой Светлане Владимировне.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛОРУССИИ В 1941—1944 гг.

Все дальше и дальше отдаляются от нас события Великой Отечественной войны. Уже родились несколько поколений, которые не знают вой сирен воздушной тревоги, свиста пуль и снарядов. Мы воспринимаем мирное небо над головой как должное, а золотые маковки православных храмов — как нечто постоянное и незыблемое. А ведь советский период существования нашей республики был одним из самых трагичных в истории Православной Церкви. Пришедшая к власти в октябре 1917 года партия большевиков избрала воинствующий атеизм своей официальной политикой.

В восточной части Белоруссии, входившей с 1922 года в состав Советского Союза, в ходе чудовищных гонений со стороны советских властей церковно-приходская жизнь была полностью разрушена. К 1939 году здесь были закрыты все храмы и монастыри, с 1936 года отсутствовало архиерейское окормление, практически все духовенство подверглось репрессиям. Многие из священнослужителей приняли мученическую кончину. В Западной Белоруссии, входившей до сентября 1939 года в состав Польского государства, несмотря на проводившиеся и там гонения, во многих храмах продолжали совершаться богослужения. По данным статистики, к июню 1941 года в пределах тогдашней БССР 542 православных храма были действующими. Все они находились в Западной Белоруссии.

В мае-июне 1945 года в Белоруссии действовало более тысячи храмов, 625 из них были зарегистрированы. Так что же происходило с июня 1941 по июнь 1945 года в Белоруссии? Что привело к

возрождению Православной Церкви? Почему некоторые историки называют этот период «вторым крещением Руси»?

Вполне понятно, что Гитлер не стремился к церковному благу, наоборот, он подчеркивал: «... наша политика на широких русских просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола» [23, с. 92]. Однако в начальный период войны (июнь – август 1941 года) нацисты мало внимания уделяли церковным вопросам. Очевидно, они не были готовы к массовому и спонтанному открытию церкви народом Божиим. Командиры передовых частей вермахта разрешали открывать церкви, не обращая внимания на пропатриаршую (имеется в виду Мать-Церковь – Московский Патриархат во главе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским) ориентацию клира и прихожан. Но уже с осени 1941 года начался период жесткого контроля и регламентации деятельности Православной Церкви в оккупированной Белоруссии. В Генеральном Комиссариате Белоруссии в Минске, который возглавлял Вильгельм Кубэ, был создан отдел политики. Руководивший им чиновник Леопольд Юрда проводил в жизнь установки нацистов по

отношению к Церкви. Уже в октябре 1941 года Генеральный Комиссариат Белоруссии заявил, что Православная Церковь в Белоруссии может существовать только как автокефальная. 3 октября 1941 года на имя митрополита Пантелеимона (Рожновского) было отправлено послание, в котором указывалось не только на необходимость создания автокефальной церкви в Белоруссии, но и оговаривалось ее название – «Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь» [75, л.15].

Всем священникам, настоятелям церковных приходов, было предписано, как это практикова-

**Митрополит Пантелеимон
(Рожновский).**

Фото из личного архива автора.

лось и ранее, составить кайровые ведомости, т.е. предоставить данные о состоянии храма, кайра и прихода, заполнить личные анкеты священников и псаломщиков. Все священно-церковнослужители должны были пройти регистрацию у оккупационных властей. Православное духовенство не имело права свободного передвижения по территории Белоруссии. Все эти факты свидетельствуют о жестком контроле со стороны оккупационных властей деятельности Православной Церкви.

Пытались контролировать церковную жизнь и некоторые белорусские национальные деятели, активно сотрудничавшие с оккупационным режимом. Грубую силу этого режима они совершенно непостижимым образом предполагали использовать для утверждения белорусских национальных начал! К чаемому ими делу белорусского национального возрождения они пытались неотложно приобщить и Православную Церковь. При этом соблюдение внутреннего канонического строя Церкви их мало заботило. Между ними и православным епископатом, одной из главных задач которого как раз и является неукоснительное соблюдение церковных канонов, существовал постоянный конфликт относительно их влияния на принятие епископатом решений, имеющих сугубо церковно-каноническое значение. Так, например, они настаивали на проведении ускоренной белорусизации Православной Церкви, выступали за незамедлительное объявление автокефалии; посредством составления многочисленных меморандумов ультимативного характера и попыток создания некоего надцерковного органа стремились направлять и контролировать внутрицерковную жизнь.

Стоявший во главе Церкви владыка Пантелеимон (Рожновский) смог созвать 3 марта 1942 года собор епископов, на котором было решено разделить Белоруссию на шесть епархий:

- 1) Витебскую во главе с епископом Витебско-Полоцким Афанасием (Мартосом);
- 2) Гродненскую во главе с епископом Гродненско-Белостокским Венедиктом (Бобковским);
- 3) Минскую во главе с митрополитом Минским и всея Беларуси Пантелеимоном (Рожновским);
- 4) Могилевскую во главе с епископом Могилевским и Мстиславским Филофеем (Нарко);

- 5) Новогрудскую во главе с епископом Новогрудским Вениамином (Новицким);
- 6) Смоленскую во главе с епископом Смоленским Симеоном (Севбо) [80, л. 67].

Оккупационные власти, зная о пропатриаршей ориентации митрополита Пантелеимона, пошли на явное нарушение канонов Православной Церкви, которые запрещают светской власти вмешиваться в решение сугубо церковных вопросов. Оккупационная власть просто физически отстранила его от руководства митрополией. В конце мая 1942 года митрополит был вызван в Генеральный Комиссариат Белоруссии, где Леопольд Юрда официально объявил об отстранении митрополита Пантелеимона (Рожновского) и необходимости передачи управления церковными делами архиепископу Филофею (Нарко). Митрополит Пантелеимон подал протест, но его отклонили. Ему было приказано готовиться к отъезду в Ляды [63, с. 276], где он пробыл до осени 1942 года, а на зимний период немецкие власти перевезли его в город Вилейку под надзор немецкой военной полиции.

Слева направо: епископ Афанасий (Мартос), архиепископ Венедикт (Бобковский) епископ Григорий (Боришкевич). Фото из личного архива автора.

Церковное строительство на территории Гродненской и Белостокской епархий происходило несколько иначе. После присоединения этих территорий к Восточной Пруссии они попали в подчинение к митрополиту Берлинскому Серафиму (Ляде). 5 января 1942 года из Жировицкого монастыря в город Гродно прибы-

ли для организации церковной жизни архиепископ Венедикт (Бобковский) и Евгений Котович.

Первоначально создание Гомельской епархии не планировалось. Но 28 мая 1943 года в городе Гомеле состоялся съезд духовенства, на котором было принято решение просить митрополита Пантелеимона (Рожновского) об утверждении в Гомельской области самостоятельной епархии. Ходатайство было удовлетворено. В апреле 1944 года к Белорусской митрополии была присоединена Брестско-Полесская епархия. Таким образом, Белорусская Православная Церковь стала насчитывать восемь епархий.

Важной и по-своему поучительной страницей церковного строительства на территории оккупированной Белоруссии была попытка объявления автокефалии и создания самопровозглашенной Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви. Реализация этой идеи преследовала, прежде всего, цель отрыва белорусской паствы от Матери Церкви — Московского Патриархата, что в полной мере соответствовало установкам Гитлера. Работа в этом направлении во многом и определяла церковную политику оккупационной власти и ее приспешников. Под непосредственным немецким давлением вопрос об автокефалии был вынесен на Всебелорусский собор Православной Церкви, который торжественно открылся 30 августа 1942 года в Минском Спасо-Преображенском монастыре. «Всебелорусским» это собрание можно назвать лишь условно, ибо на нем не была представлена вся Белорусская Православная Церковь. Созыв его был инспирирован оккупационной властью при полной организационной поддержке этого мероприятия. Обращало на себя внимание и отсутствие среди делегатов законного Предстоятеля Церкви митрополита Пантелеимона (Рожновского), находившегося у немцев фактически под

Архиепископ Филофей (Нарко).
 Фото из фондов Белорусского
 государственного архива
 кино-фото-фонодокументов
 (БГАКФФД).

арестом. Оккупационные власти не разрешили ему вернуться в Минск. Под их давлением митрополит передал в письменной форме все полномочия для ведения Собора архиепископу Филофею (Нарко). На Соборе было провозглашено об учреждении автокефалии Белорусской Православной Церкви и был принят ее Устав. В параграфе 113 этого документа было указано, что каноническое объявление автокефалии последует после признания ее всеми Поместными Православными Церквями [107]. Это позволяет говорить о том, что автокефалия была провозглашена формально, вполне вероятно даже, чтобы снизить степень давления на епископат со стороны оккупационной администрации. Впоследствии документы собора так и не получили канонического утверждения и признания со стороны всей Церковной Полноты. Да и не могли получить, ибо были приняты под давлением светской, да и еще и чуждой, оккупационной власти.

В 1941 — 1944 гг. одним из трудноразрешимых был кадровый вопрос. Если в западных областях Белоруссии особой нужды в священниках не было, то в центральных и восточных областях ощущалась их огромная нехватка. Необходимо было создавать учебные заведения, чтобы в короткие сроки подготовить священнослужителей. Были открыты курсы для подготовки кандидатов на священно-церковнослужительские должности в городах Минске, Гродно, Новогрудке, Гомеле, Витебске (в 1942 году там обучали до 20 человек), Смоленске и Жировицком монастыре. 15 апреля 1943 года начали свою работу вторые богословско-пастырские и псаломщицко-певческие курсы в Минске. Курсы работали шесть месяцев. В апреле 1944 года были подготовлены 22 кандидата в священство, четверо из них получили свидетельства священников [19]. Кроме того, в Гродненском епархиальном управлении был издан циркуляр, согласно которому все желающие могли отправиться с миссионерской деятельностью в восточные области для борьбы с безбожием, которое там воцарилось при советской власти. Добровольцы направлялись в город Минск в распоряжение митрополита Пантелеимона [4].

Всего с 1941 по 1945 год в Белоруссии были посвящены в сан священника 213 человек. Но были еще и так называемые самосвяты — «священники», которые посвящали в сан сами себя [70, л. 51, 52].

С согласия и разрешения Белорусской Центральной Рады¹ в 1944 году планировалось открыть духовные семинарии с шестилетним курсом обучения. В первую очередь — «открыть полуторные и шестые классы».

Возобновление церковных служб на оккупированной территории Белоруссии произошло относительно быстро. Так, например, первое богослужение в Минске после начала войны состоялось в Спасо-Преображенской церкви одноименного женского монастыря в июле 1941 года [16].

Необходимо было иметь разрешение оккупационных властей на строительство или восстановление храма. Прихожане обращались, как правило, с прошением к архиепископу Филофею, а он — в Генеральный Комиссариат Белоруссии, где окончательно решался этот вопрос.

В январе 1942 года по распоряжению священноначалия архимандрит Серафим (Шахмуть) и священник Григорий Кударенко были направлены в Восточную Белоруссию для организации церковной жизни. (Подробнее о судьбе этого миссионера можно прочитать: Кривонос Ф. Житие священномучеников Минской епархии (1-я половина XX века). — Минск, 2002. — С. 115 — 165). Мы здесь лишь укажем, что уже в наши дни о. Серафим был причислен к лику святых как новомученик.

За время пребывания в Витебской, Могилевской, Гомельской, Минской областях архимандрита Серафима (Шахмутя) и священника Григория Кударенко ими было проведено более девяноста различных богослужений [3]. Вернувшись в Минск, архимандрит Серафим и о. Григорий служили в открытой ими церкви в честь Святого Духа (ныне Свято-Духов кафедральный собор). При храме был восстановлен монастырь. В июне 1944 года архи-

¹ БЦР (Белорусская Центральная Рада) — вспомогательный совещательный орган, центральная инстанция белорусской коллаборации на оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Создана в декабре 1943 года Рада доверия при Генеральном Комиссариате Белоруссии. В БЦР входило 14 человек, Р. Островский — президент. Формально гитлеровцы передали БЦР руководство школьным делом, культурой, социальной опекой и Белорусской Краевой Обороной. Реально же власть находилась у оккупационной власти. Деятельность БЦР фактически была остановлена на Втором Всебелорусском Конгрессе 1944 года (27.06.1944, Минск).

мандрит Серафим и о. Григорий приехали в Гродно, где много времени проводили в госпиталях, причащая раненых. В Гродно они были арестованы в сентябре 1944 года.

Всего в Минской епархии в 1941 году было открыто около 120 приходов, что составляло 30 % их дореволюционного количества.

К 1943 году в Бобруйской округе насчитывалось 20 православных церквей, в которых были священники и проходили службы [13].

В Витебске к июню 1941 года не было ни одного действующего храма. Все церкви в Витебске и в 11 уездах были закрыты еще до 1930 года. Многие из них превращались в склады. В одном из храмов был устроен антирелигиозный музей, где содержались мощи преподобной Евфросинии Полоцкой.

В августе-сентябре 1941 года была приведена в порядок Свято-Покровская церковь. Первое богослужение прошло 14 октября 1941 года. Кафедральный собор Витебска должен был ремонтироваться с осени 1943 года, однако этому помешали военные действия. Всего же за время немецкой оккупации во всех уездах бывшей Витебской губернии, в городах Невель (ныне это

Разрушенное здание собора в городе Полоцке в период немецко-фашистской оккупации. Фото из фондов БГАКФД.

Руины храма в Жлобине. Фото из фондов БГАКФД.

Псковская область), Велиж (ныне Смоленская область) начали действовать православные храмы [1, с. 91].

В Могилеве действовали три общины. В городах создавались церковные округа. В Орше насчитывалось десять общин, в городе Шклове — семь, в Борисове — двадцать одна [23, с. 203-204].

В 1943 году по всей Белоруссии было открыто свыше 78 приходов. А за первые месяцы 1944 года только в Минской епархии начали действовать 5 приходов [19]. 13 февраля 1944 года была торжественно освящена во имя святителя Николая новопостроенная церковь в Минском пригороде Козырево.

Во вновь открывшихся церквях состоялось огромное количество крещений и венчаний. В первые три-четыре месяца оккупации города Минска были крещены примерно 22 000 детей. Священники венчали одновременно по 20-30 пар [1, с. 87]. К сожалению, не сохранились фотографии 1941 — 1944 годов, но более поздние снимки позволяют представить, как это происходило.

Большинство прихожан ходило на исповедь. Во время архиерейских богослужений минские храмы были переполнены так, что нельзя было поднять руку, чтобы перекреститься.

Практически при каждой вновь открывшейся церкви создавались добровольные комитеты помощи бедным и жертвам вой-

ны. В Минске каждая церковь 10 % своего дохода перечисляла в помощь бедным [18]. А в Бобруйской округе в «Фонд помощи вдовам и сиротам», который помогал вдовам и сиротам, семьям сосланных советской властью священников ежемесячно перечислялось 2 % от общей прибыли со всех церквей и добровольных пожертвований верующих [13]. В Минске архимандрит Серафим (Шахмуть) руководил миссионерским комитетом, который духовно опекал беженцев и больных. Два священника этого центра работали в детских домах и больницах. Проводились богослужения и в лагерях для военнопленных. Изредка результатом таких служб являлось пострижение в монахи военнопленных.

В Минске появилась мастерская по благоукрашению храмов. А в ноябре 1943 года Минский исторический музей передал через священника Николая Лапицкого белорусской православной митрополии в Минске церковную коллекцию из тридцати трех предметов [83, л. 15, 17].

Особенно оживлялась церковная жизнь перед праздниками. К подготовительной работе привлекались женщины, церковные хоры. Уже в ноябре 1941 года хормейстером Белорусского теат-

Общий вид разрушенной немецко-фашистскими захватчиками церкви в городе Ушачи Витебской области. Фото из фондов БГАКФФД.

Свято-Николаевская церковь в Козырево в 1944 году.
Фото из личного архива автора.

ра М.И. Николаевичем был организован митрополичий хор, в который вошли лучшие певцы хора оперной группы Минского Белорусского театра [88, л. 22]. В Петро-Павловском соборе города Минска был детский хор, в котором пели около тридцати детей. В 1944 году широко отмечалось Крещение. К сожалению, автор не располагает фотографиями 1944 года, но более поздние снимки позволяют представить количество участников Крестного пути.

В период оккупации наблюдалось оживление монастырской жизни. Центральное место в церковной деятельности Белоруссии в годы войны занимал Жировицкий Свято-Успенский монастырь. В мае 1945 года в монастыре жило 25 монахов [93, л. 7].

Во время немецкой оккупации возобновили свою работу женский Спасо-Преображенский монастырь (17 августа 1941 года) и Свято-Духов мужской монастырь (15 мая 1942 года) в Минске, Ляданский мужской монастырь (1942 г.) [110], Спасо-Евфросиниевский женский монастырь (1942 г.) в городе Полоцке. С разрешения немецких властей 23 октября 1943 года из Витебска в Спасскую церковь древней Полоцкой обители были возвращены мощи преподобной Евфросинии [111, с.75]. Настоятельницей монастыря была игуменья Елевферия (Новикова) [96, л. 278].

Действовал и женский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, расположенный в Гродно [39, л. 5]. На очень непродолжительное время возобновил свою деятельность Ченковский монастырь в Гомельской области. Его открыли архимандрит Серафим (Шахмуть) и отец Григорий Кударенко. Они собрали 30 сестер, которые избрали настоятельницей монахиню Поликсению. Архимандрит Серафим постриг в рясофор Манефу (Скопичеву) [117, с. 157]. К сожалению, не сохранилось данных ни о количестве монахинь, ни о хозяйственной деятельности монастыря. Известно только, что в результате карательных экспедиций оккупантов в сентябре 1943 года в Ченковском монастыре сожгли две церкви и жилые корпуса, монахинь разогнали, имущество разграбили. Сожгли и свечной завод при монастыре [90, л. 21].

В конце мая 1944 года ввиду приближения Советской Армии все белорусские православные иерархи собрались в Гродно. При этом они перенесли из Минского Спасо-Преображенского женского монастыря мощи святого младенца-мученика Гавриила Белостокского. В июле 1944 года по приказу оккупационных властей весь белорусский епископат покинул пределы своей родины и оказался на чужбине, первоначально в Германии, а затем оставшиеся в живых белорусские епископы рассеялись по

Во время совершения Таинства венчания в кафедральном соборе в Гродно.
Фото 1946 г. Из личного архива автора.

Крестный ход на реку Неман в Гродно в Праздник Богоявления в 1946 году.
 Фото из личного архива автора.

всему миру, пребывая в лоне зарубежной Русской Православной Церкви.

С восстановлением советской власти в БССР начались аресты тех священнослужителей, которые были замечены в связях с оккупационными властями.

В сентябре 1944 года в соответствии с Указом Патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского) в управление белорусскими епархиями вступил архиепископ Василий (Ратмиров).

К июню 1945 года на территории Белоруссии действовало три монастыря: в Гродно — женский Рождества Пресвятой Богородицы; в Жировицах — мужской Свято-Успенский; в Полоцке — женский Спасо-Евфросиниевский [91, л. 75].

После освобождения Белоруссии от оккупантов в специально созданную государственную Комиссию БССР по оценке ущерба, причиненного немецко-фашистским режимом, поступило 62 акта, где было засвидетельствовано о причинении ущерба православным храмам на сумму 86 091 230 рублей [89, л. 6].

По словам архиепископа Афанасия (Мартоса): «Церковь состоит не только из духовенства. Под церковью необходимо по-

нимать союз всех людей, как духовных, так и светских, объединенных живой верой во Христа Бога, святыми Таинствами, церковной иерархией и взаимной любовью в Иисусе Христе» [63, с. 126]. Многолетняя борьба большевиков с Церковью не смогла уничтожить стремление людей к вере. Православие на протяжении многих столетий было духовной опорой общества, не раз помогало переживать лихолетье. Не стала исключением и Великая Отечественная война. То, что вера жива, показало массовое открытие храмов. Церковь, несмотря ни на что, выстояла, это показало достаточно быстрое восстановление приходской жизни в оккупированной Белоруссии. Архиепископ Афанасий (Мартос) особую роль в церковном возрождении отводил белорусским матерям, которые всегда были носителями христианских обычаев и традиций.

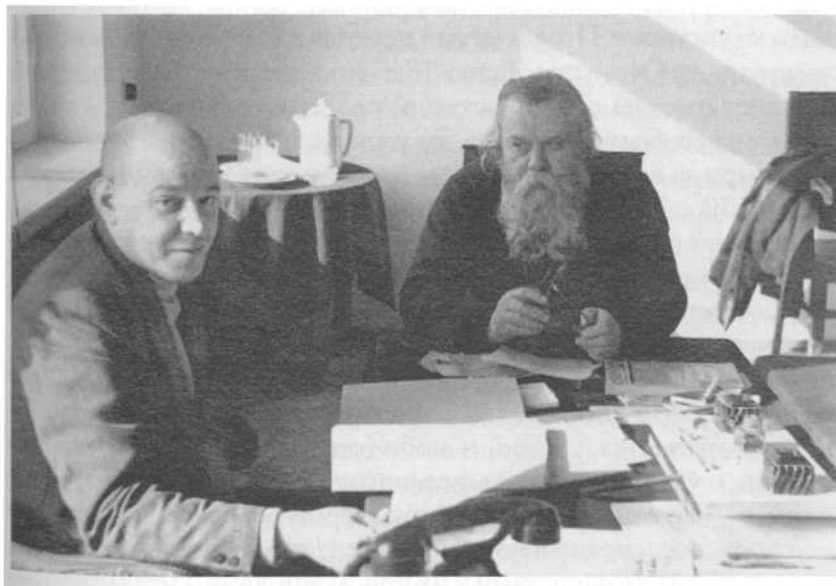
Советская власть вовсе не стремилась создать благоприятные условия для деятельности православной церкви. В начале октября 1944 года в Минске состоялось республиканское совещание по агитации и пропаганде. Выступая перед партийным активом, П.К. Пономаренко говорил: «На освобожденных территориях расширили свою деятельность церковники. Священники пытаются восстановить в народе религиозные признаки. Имеются по-

**Вид Жировицкого монастыря Успения Пресвятой Богородицы.
Фото 1946 г. Из фондов БГАКФД.**

пытки расширить свое влияние. Товарищи, отправление всяких культов и нашу веротерпимость нельзя смешивать. Пусть они существуют, попы, но ведь мы должны заботиться, чтобы не попал фигурой, от которой будут зависеть поставки или весенний сев» [71, л. 239-240]. И вся политика советской власти на освобожденных территориях была направлена на уменьшение влияния православия на население.

Великая Отечественная война была тяжелым испытанием для белорусского народа. В период нацистской оккупации произошло оживление, а в Восточной Белоруссии — восстановление церковной жизни, это был период открытия и ремонта храмов, возобновления церковных служб и возрождения монастырей. Это было тяжелое время, когда каждый пастырь по мере сил должен был укреплять дух своих прихожан, убеждая их в скором освобождении страны.

Архиепископ Минский и Белорусский Василий (Ратмиров).
Фото из личного архива автора.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

У каждого из нас на Земле есть место, которое мы называем Родиной. Для кого-то это вся страна, для другого — небольшой городок, деревня, местечко. Но для каждого понятие Родины, Отечества свято. И стремление защитить или освободить свою Родину от врага генетически заложено в каждом из нас. Двадцатый век принес человечеству две мировые войны, которые изменили ход истории. Православная церковь во все века благословляла на защиту Отечества. Еще в 1813 году святитель Московский Филарет говорил своей пастве: «Уклоняясь от смерти за честь веры и за свободу Отечества, ты умрешь преступником или рабом; умри за веру и Отечество — ты примешь жизнь и венец на небе» [120, с. 73].

Святой праведный Иоанн Кронштадтский так писал о любви к земному отечеству: «Люби отечество земное... оно тебя воспитало, отличило, почтило, всем довольствуется, но особенно люби отечество небесное... то отечество несравненно дороже этого, потому что оно свято и праведно, нетленно. Это отечество заслужено тебе бесценной кровью Сына Божия. Но чтобы быть членами того отечества, уважай и люби (его) законы, как ты обязан уважать и уважаешь законы земного отечества» [120, с. 73].

С началом оккупации на территории Белоруссии возникло партизанское и подпольное движение. Народ нашей страны поднялся на борьбу с нацистами и их прислужниками. Первые партизанские отряды были образованы уже летом 1941 года, а 1943

год вошел в историю как переломный в ходе Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом. Он явился вторым этапом массового развертывания партизанской и подпольной борьбы, антифашистского движения на территории Белоруссии. Это нашло свое отражение в создании, развитии и слиянии партизанских зон и краев. К концу 1943 года партизаны контролировали около 60 % оккупированной территории Белоруссии [105, с. 371]. К концу того же года власть оккупантов, по данным военных историков, в основном держалась лишь в городах и вдоль железнодорожных магистралей. В Витебской области одной из крупных партизанских зон была Ушачско-Лепельская площадью 3245 квадратных километров с населением 73 тысячи человек. А Борисовско-Бегомльская партизанская зона в Минской области занимала около 6 тысяч квадратных километров с 1 088 населенными пунктами. На этой территории действовало около 14 тысяч партизан [105, с. 374].

Начало партизанского движения в Белоруссии поставило перед православными священнослужителями нелегкую проблему: поддерживать или не поддерживать партизан и подпольщиков, и как в условиях войны, оккупации и противоборства сторон осуществлять свою пастырскую деятельность.

Нацисты разрешали существование и деятельность православных приходов только в рамках жесткого контроля. И ни в коей мере не должна была проявиться патриотическая позиция Церкви. Несомненно, что в период оккупации были примеры сотрудничества отдельных священнослужителей с немцами, но не эти примеры характеризуют общее отношение священно-церковнослужителей к агрессорам — оккупантам. И теперь уже настало, очевидно, время для восстановления справедливости. Мы уже в полный голос можем говорить и писать о сотрудничестве белорусского православного духовенства с партизанами и подпольщиками, об их вкладе в общую Великую Победу, о чем ранее практически не было широко известно. Народ не принял «нового порядка» и поднялся на борьбу. Многие представители православного духовенства не только молитвами поддерживали партизан и подпольщиков, но и оказывали действенную помощь. Священнослужители в большинстве своем разделили судьбу своих прихожан, в трудный час выполняли свой пастырский долг и думали

не о себе, а о других, думали не о настоящем, а о будущем, стали истинными патриотами Белоруссии. Горечь по поводу перенесенных репрессий по отношению к духовенству со стороны советской власти не заслонила сознания общей беды, которая пришла на белорусскую землю с началом нацистской оккупации.

Неоспоримым, на наш взгляд, является тот факт, что значительная часть православного духовенства не приняла оккупационную власть и лояльно относилась к партизанскому и подпольному движению, следуя установкам Московской Патриархии.

«Пусть ваши местные партизаны будут для вас (*верующих людей..* — С.С.) не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к вашему собственному освобождению от фашистского плена, — писал будущий Патриарх, митрополит Сергей (Страгородский) в январе 1942 года. — Помните, что Родина не забывает вас. Итак, дерзайте, стойте мужественно и непоколебимо, держа веру и верность, и зрите в спасение от Господа! Господь поборает и поборет за нас» [102, с. 12].

В своем Рождественском послании от 13 декабря 1942 года Патриарший Местоблюститель Сергей указывал, обращаясь к архипастырям и населению оккупированных территорий: «Участник партизанской войны не только тот, кто с оружием в руках нападает на вражеские отряды. Участник и тот, кто поставляет партизанам хлеб и все, что им нужно, в их полной опасности жизни; кто скрывает партизан от предателей и немецких шпионов; кто ходит за ранеными и прочее. Не давайте врагу чувствовать себя хозяином вашей области, жить в ней сытно и безопасно. Пусть тыл для него будет не лучше фронта, где громит его наша Красная Армия» [102, с. 39-40].

Махнач Вера Петровна, ныне жительница города Минска, в 1942 году окончила специальную школу и в составе диверсионной группы была заброшена в Жлобинский район Гомельской области. Среди большого количества печатных изданий, которые с собой взяла группа, были и послания митрополита Сергея. Они переписывались от руки и расклеивались по деревням. Эти маленькие листы были для многих жителей оккупированной Белоруссии большой моральной поддержкой, показателем того, что о

них помнят и молятся за их освобождение. Подпольщица помнит, что священник деревни Перевичи собирал продукты для детского дома. Может быть, старожилы этой деревни помогут вспомнить и вернуть еще одно имя священника-патриота.

Учитывая изменения политики со стороны Советского государства по отношению к Православной Церкви, некоторые командиры партизанских отрядов в партизанских зонах поощряли открытие церквей, приглашали священников, разрешали ставить придорожные поклонные кресты. Делали они это в большинстве случаев в пропагандистских целях, чтобы показать лояльность к Церкви со стороны советской власти и тем самым дать понять местному населению, что вступление в партизанские отряды не повлечет отлучения их от Церкви. Но имеются факты и вполне сознательного обращения к Богу и открытого признания Его Святой Церкви. Так, согласно немецкому полицейскому донесению, в одну из вновь открывшихся церквей в партизанской зоне прибыл партизанский отряд, и его командир обратился к собравшимся в храме прихожанам со следующими словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры! Бог есть и будет! Мы были временно задурманены, потому что пренебрегали Богом. Богу надо молиться. Молитесь за нас и за всех бойцов и партизан. Аминь!» [108, с. 96].

Рядовое духовенство открыто не выступило против партизанского и подпольного движения в Белоруссии. Некоторые священнослужители знали о существовании партизанских отрядов, но не выдавали ни места их дислокации, ни фамилий лиц, оказывающих содействие партизанам, хотя и не всегда помогали им. Приходские священники были очень тесно связаны со своими прихожанами через Таинство исповеди. Если в городах духовенство даже в случае искреннего стремления не имело возможности активно помогать партизанам, то в сельских приходах, особенно отдаленных, помощь партизанским отрядам со стороны священников была распространенным явлением.

Приходских священников достаточно часто навещали и партизаны, и полицейские. Малейшая ошибка в поведении священника могла повлечь за собой его гибель как от рук карателей, так и от партизан. Священники, помогавшие партизанам и подпольщикам, хорошо понимали, что ставят под угрозу не только

свои жизни, но и жизни своих близких. В своем пастырском служении священники руководствовались словами Священного Писания: «Кто бы ни пошел на войну против нас в день субботний, будем сражаться против него, дабы нам не умереть всем, как умерли братья наши в тайных убежищах» (1 Макк. 2 41). «Ибо лучше нам умереть в сражении, нежели видеть бедствия нашего народа и святыни» (1 Макк. 3 59) — эти слова стали для многих пастырей, оставшихся на оккупированной территории Белоруссии, своеобразным девизом в их служении.

Формы помощи были самые разные: священники снабжали партизан продуктами, медикаментами, предоставляли кров для отдыха, лечили раненых, доставали документы, писали фиктивные справки, укрывали молодежь, участвовали в разведоперациях и даже воевали с оружием в руках. Вступление православных священников в партизанские отряды не было массовым, но единичные случаи имели место.

Священник Анатолий Гандарович из деревни Рабунь Вилейского района Минской области не раз принимал у себя партизан, заданий от них не получал, но давал им продукты и предоставлял место для отдыха. Партизаны хранили в доме священника тол, капсулы и бикфордовы шнуры. Помогал священник и медикаментами [3]. Анатолий Анатольевич Гандарович родился в 1910 году в местечке Илья Вилейского района Минской области в семье служащего. Когда началась оккупация, ему предложили работать в районной управе счетоводом. Но молодой человек узнал, что в Минск приехал епископ Филофей (Нарко). Анатолий поехал к нему в феврале 1942 года, чтобы попросить разрешения сдать экзамены на священника и быть рукоположенным в сан. Родители будущего архиепископа Филофея жили в местечке Илья, его отец Евдоким был псаломщиком, а затем диаконом Ильинской церкви. До отъезда Владимира (в монашестве нареченного Филофеем) из родительского дома на учебу в духовную семинарию Анатолий хорошо его знал. На аудиенции в Минске просьба была удовлетворена. После посвящения Анатолий был направлен в местечко Крайск Логойского района Минской области. На второй день после приезда священнику приказали явиться к шефу жандармерии, который обязал отца Анатолия в течение месяца отмечаться ежедневно, а затем два раза в месяц. Прятал священник

бежавшего из Молодечненского лагеря военнопленных Мальцева Петра Павловича, который жил в его доме с октября 1942 по август 1943 года, а потом ушел в партизанский отряд «Боец» бригады имени Фрунзе. Отец Анатолий знал всех партизан из своей деревни, в каком доме они останавливались, но не доносил на них. Его арестовали в феврале 1946 года в городе Вилейка, и в октябре этого же года трибунал войск МВД приговорил священника по статье 63—1 УК БССР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с поражением прав на 5 лет. Реабилитирован он был в июне 1964 года.

Священник деревни Массоляны Берестовицкого района Гродненской области Анатолий Мисеюк неоднократно передавал продукты для партизанского отряда «Звезда», через связного отряда Ивана Колосникова. После его ареста отец Анатолий продолжал помогать партизанам — через командира роты этого же отряда Николая Шишкина передавал партизанам яйца, сало, хлеб, самогон [4]. Отец Анатолий родился в 1917 году в деревне Старая Рудня Городнянского района Черниговской губернии. Его отец Иван Стефанович был сначала псаломщиком, затем был рукоположен в сан и служил в Старорудненской церкви. Кроме Анатолия в семье было еще три сына — Евгений, старший, Иван и младший Витаалий. В 1923 году семья выехала на родину в деревню Межевичи (тогда территория Польши). В 1925 году отец стал священником в местечке Деречин. В 1929 году юный Анатолий поступил в гимназию местечка Бельск, а через четыре года перевелся в гимназию местечка Дрогичин над Бугом. В 1939 году получил аттестат зрелости. После окончания гимназии преподавал в школах Закон Божий. В мае 1939 года женился на Савич Зинаиде Викторовне. В 1940 году у них родился сын Авенир, а в 1944 — Святослав. В сентябре 1939 года Анатолий решил поехать в Вильно, чтобы поступить на медицинский факультет Виленского университета, но проучился только один месяц. После сентябрьских событий 1939 года Виленский край вместе с Вильно перешел Литве, и Анатолий вернулся к семье, которая жила в Западной Белоруссии. Соколковским УОНО он был назначен учителем начальной школы в деревне Юровляны и сразу же направлен на месячные курсы, по окончании которых стал назначен директором начальной школы в деревне Гаркавичи Соколковского района, где и

работал до начала Великой Отечественной войны. Летом 1941 года Анатолий с женой и годовалым сыном переехал к отцу в деревню Деречинок, где у отца был приход. Анатолий стал помогать отцу в церкви, а в январе 1942 года получил сан диакона. В июле — сентябре 1942 года диакон Анатолий сдал при Белостокско-Гродненской консистории в Гродно экзамены на звание священника и 21 сентября этого же года был рукоположен архиепископом Венедиктом (Бобковским) в сан священника. Отец Анатолий продолжал работать псаломщиком при своем отце до января 1943 года. Именно тогда он получил назначение в Массолянскую церковь. К отцу Анатолию партизаны приходили по рекомендации местных жителей, которые были уверены в своем пастыре. Священник никогда не отказывал народным мстителям. Партизаны отряда вместе с Николаем Шишкиным заходили к священнику и накануне задания и после его выполнения отдохнуть. В доме священника их кормили [4]. Руководством партизанского отряда «Звезда» священнику Анатолию Мисеюку была выдана справка о том, что он помогал партизанам отряда продуктами, и с его стороны «предательских дел и сотрудничества с оккупантами» не замечено [4]. Необходимо отметить, что такие справки партизанское командование выдавало крайне неохотно. Это было связано, на взгляд автора, с практической реализацией политики воинствующего атеизма.

Период оккупации — очень сложное и противоречивое время. Каждый день любой человек, находившийся на территории врага, рисковал своей жизнью. Все священнослужители, католики и православные, были обязаны зачитывать в храмах приказы военных и гражданских оккупационных властей. Вынужден был делать это и отец Анатолий. Но несмотря на то, что он зачитывал в церкви в апреле 1943 года приказ о мобилизации молодежи на работы в Германию, священник прятал молодых прихожан, рискуя не только своей жизнью, но и жизнью своей семьи. Закончилась Великая Отечественная война, но не завершились испытания отца Анатолия. Он был арестован НКВД 30 ноября 1945 года и заключен в Гродненскую тюрьму № 1. Священника обвинили в связях с немецкими властями и карателями, в антисоветском пособничестве и произнесении «проповедей антисоветского характера» [4]. Его судил военный трибунал. Не облегчили участь свя-

щенника ни показания партизан и справки партизанского командования, ни показания прихожан, тех, кому священник спас жизнь. Отец Анатолий, несмотря на длительные допросы, которые длились с десяти утра до часа ночи, виновным себя не признал. Дело несколько раз отправлялось на доследование. 4 декабря 1946 года Судебной коллегией по Уголовным делам Гродненской области он был приговорен по статье 726 Уголовного кодекса БССР и статье 64 Уголовного кодекса БССР к семи годам исправительно-трудовых работ с поражением в правах на три года. В тот же день отец Анатолий написал жалобу в Верховный суд БССР, но 3 января 1947 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР оставила приговор без изменения. Отец Анатолий после пребывания в лагерях не вернулся на родину. Последнее известное автору место его проживания — город Рига. Отец Анатолий был реабилитирован 31 июля 1992 года. Знал ли молодой человек, молодой пастырь, которому на момент его рукоположения было 25 лет, о том, что его ждет? Конечно, нет. Но, несомненно, он понимал, что не может остаться в стороне от тех событий, которые происходили вокруг. И то, что именно прихожане рекомендовали партизанам не бояться заходить к священнику, говорит о том, что ему доверяли.

Принимали у себя партизан и братья Яссиевичи: Афанасий — псаломщик и Георгий — священник села Сидельники Свислочского района Гродненской области. Начиная с 1942 года к ним систематически, с интервалом в неделю-две приходили партизаны, называвшие себя «москвичами». В 1943 году в канун Пасхи дом Яссиевичей наведали примерно около десяти партизан. Отобедав, один из них вручил священнику отпечатанное на машинке воззвание архиепископа Николая (Ярушевича). «Враг подвергает осквернению наши святыни, храмы Божии. Во многих городах и селах они были превращены фашистами: в конюшни, в уборные, в кухни, застенки, где пытают арестованных... Святая Церковь радуется, что на святое дело восстают народные Герои — Славные Партизаны. Дорогие братья и сестры! Вас всех святая церковь пламенно зовет: помогайте, чем можете, этим героям выполнять их святое деяние», — прочел священник [42]. Тогда же Афанасий вручил партизанам 100 немецких марок и пару белья [4]. Судьба этого человека драматична. Он родился на Волини в 1890 году в

семье псаломщика. С 1908 по 1912 год учился в Житомирской семинарии, после чего один год работал народным учителем в городе Мценске. Его брат Георгий служил в Мценске священником. До 1922 года Афанасий жил у брата и был в церкви псаломщиком. В 1934 году брата перевели священником в церковь деревни Сидельники Свислочского района, Афанасий поехал за ним. Всю оккупацию братья прожили вместе в деревне Сидельники. В 1945 году Афанасий был рукоположен и направлен священником в деревню Новый Двор Порозовского района Гродненской области, в 1946 году вновь вернулся в Порозово. В период оккупации братья любыми способами пытались спасти своих прихожан. В их доме нашла приют Попова Екатерина Алексеевна, жена советского офицера, которая не успела выехать в тыл. В июне 1942 года Афанасий пригласил ее пожить в своем доме. Там она пробыла всю оккупацию, в 1944 году в Уфе Екатерина Алексеевна нашла в госпитале мужа — Суздальцева Федора Васильевича и в январе 1945 года уехала с ним в город Чкалов. Живя в доме священника, Попова была свидетелем всего происходящего. В дом приходили не только партизаны, но и каратели, и полиция. В этом была специфика оккупационного периода. Тем не менее Афанасия Яссиевича арестовали в 1951 году, обвинили в тесных связях с жандармерией и в антисоветской пропаганде. Как и многим арестованным после войны священнослужителям, ему не помогли показания Поповой, которая отрицала факты его антисоветской деятельности, а утверждала, что священник Афанасий знал, что она жена советского офицера, и что в дом часто приходили партизаны. В декабре 1951 года Афанасий Яссиевич был приговорен к 25 годам лишения свободы в особом лагере МВД и к конфискации имущества. Наказание отбывал в Ангарлаге Иркутской области. Был освобожден в июне 1956 года, а в сентябре 1992 реабилитирован за отсутствием состава преступлений.

Священник деревни Блячино Клецкого района Минской области Николай Александрович Хильтов постоянно помогал разведывательной группе под командованием Михаила Шершнева из бригады имени Василия Ивановича Чапаева, действовавшей в той же области.

Осенью 1942 года после выполнения задания диверсионная группа в составе пяти партизан остановилась в доме отца Николая.

И в это время в деревню приехали немцы. Пришлось священнику запереть в одной из комнат дома партизан, а в другой принимать карателей, которые, побыв недолго, ушли. Священник обеспечил Михаила Шершнева «западной» одеждой, добыл ему пропуск и паспорт, не раз спасал командира диверсионной группы, выдавая его за своего племянника. Неоднократно указывал отец Николай расположение полицейских засад. В ноябре 1942 года в ходе перестрелки с карателями партизанский разведчик Николай Анохин погиб. Его тело принесли в дом священника, отец Николай совершил над ним погребальный обряд, после чего партизан был похоронен на гумне священника. Через некоторое время партизаны перезахоронили разведчика в центре деревни Блячино [109].

4 января 1944 года отец Николай Хильтов написал письмо командиру партизанского отряда Еременко из той же бригады, поздравил его с праздником Рождества и просил прислать к нему Мишу Шершнева, тяжело переживавшего смерть своего командира Н.А. Анохина, в «дом отдыха для физически и психически больных». Этот «дом отдыха» был создан отцом Николаем при церковном доме, там партизаны поправляли свое здоровье [42].

Сохранились воспоминания дочери священника, Хильтовой Надежды Николаевны, бывшей учительницы математики Садовской средней школы Клецкого района Минской области. Читая их, словно слышишь голос из прошлого:

«Мой папа, Хильтов Николай Александрович, и моя мама, Хильтова Наталья Ивановна, урожденная Новицкая, а также

Священник Николай (Хильтов) с семьей. Фото из фондов Клецкого краеведческого музея.

дядя Георгий и тетя Лида, урожденная Лидия Александровна Волосович, были арестованы фашистами в 1944 году и замучены в концлагере «Коддычево» за связь с партизанами. Наш дом был явкой для партизан. Для них это было удобно тем, что мой отец был священником Блячинской церкви. Из-за этого наша семья как бы вызывала меньше подозрений у врагов. И все-таки частые, в основном, ночные визиты партизан подвергали нашу семью большой опасности. Все члены семьи знали и понимали все это, но, тем не менее, никто из родных не высказывался за то, чтобы прекратить эти связи. Ненависть к врагам Родины была куда выше страха перед ними.

В 1942 году мне было 14 лет, а сестре Кире — 11 лет. Я помню, что в те военные дни у нас дома постоянно велись разговоры о партизанах. Их называли «ереминцы», «парфоминцы», «жуковцы», «дунаевцы», «шестопаловцы».

Бывали ночи, когда лишь только уедут партизаны, как стучатся в дом местные полицейские. Одна ночь мне особенно запомнилась своей тревожностью. Сначала, то есть с вечера, были «жуковцы», как только они ушли, явились в дом полицейские, а после них пришел Гриша Кузнецов (пулеметчик).

Многие из партизан нуждались в медицинской помощи. Мама делала, если это нужно было, перевязки. Я помогала. Папа часто болел, и маме пришлось овладеть некоторыми приемами лечения. Запомнился мне случай, когда у нас были партизаны, и у одного из них была ранена кисть руки. Пуля сидела, застряв в ладони. Нужна была не просто перевязка, а операция. Мама, не имея опыта, побоялась удалять пулю сама. Поэтому руку ему только перевязала, а остальное уже сделали в партизанском отряде.

Помню, как скрывались у нас убежавшие из Клеуцка Алехин, Гордиевич, Тиханович. Они были преподавателями в средней технической школе, которая была открыта при немцах в Клеуцке. Побег они совершили на автомашине, которую угнали из немецкой пожарной управы в городе Клеуцке. За ними была организована погоня. Машина была уничтожена, а этим людям пришлось убежать, вот они и скрывались в нашем доме. Позже они были переправлены к партизанам, но я точно не помню, в какой отряд. Насколько мне известно, в 1942 году в лесу Подище возле деревни Хадатовичи был создан партизанский отряд № 101 под коман-

дованием Григория Тарасовича Дроздова, который до войны был военным. После войны я встречалась с партизанами этого отряда Николаем Илюхиным, который жил в деревне Узда, и Кириллом Вахрушиным. В июле партизанский отряд волился в Ворошиловскую бригаду и участвовал в Раевском бою.

На участке железной дороги Погорельцы — Городея действовала диверсионная группа. В нашем доме часто бывали партизаны и командиры этой группы — Дроздов Г.Т., Анохин Николай Алексеевич, Шершнев Михаил, Трус Григорий. Во время одной из операций Шершнев Михаил был ранен осколком гранаты, брошенной бандитом Юркой (фамилию не помню). Гриша Трус был убит. Родом он был из Узды или Узденского района. Кажется, он был родственником или братом белорусского поэта Павлука Труса. Погиб, выполняя боевое задание в деревне Наручевичи, и Николай Алексеевич Анохин. Позже у нас завязалась переписка с его сестрой, и она прислала мне его фотографию.

До освобождения Белоруссии командиром диверсионной группы оставался Михаил Шершнев. Затем он ушел на фронт, был тяжело ранен, десять месяцев находился на лечении в госпитале. После войны он женился, воспитывал двоих дочерей. Не помню, сколько лет назад умер Шершнев от инфаркта. Я вела переписку с его сестрой. Жил он по адресу: город Нальчик, ул. Гастелло, д. 17. Бывший партизан Семен Михайлович Бестужев (из Шестопаповской бригады) живет в Херсоне. Радченко Иван Иванович — тоже бывший партизан, живет в Минске, работает на аэродроме гражданской авиации.

Дружескую связь с нашей семьей поддерживал бывший партизан — комиссар Павел Фомич Воложин. В 1960-е годы он несколько лет был директором совхоза «Красная звезда» в нашем районе, а затем был переведен на работу в город Минск, где занимал должность заместителя министра сельского хозяйства. У нас сохранилось письмо Павла Фомича, написанное моей бабушке, Надежде Платоновне Новицкой, в 1947 году. Он нам писал, что как бы ни было трудно, но мы с сестрой должны учиться. Позже, когда я училась в Минске в университете, мы встречались с ним. Кира тоже закончила университет. Бабушка, по существу, заменила нам отца и мать.

Папу и дядю Жоржа арестовали ночью 6 апреля 1944 года.

Дата очень запомнилась, у сестры в этот день спустя много лет родилась дочь. Мама, бабушка и мы, дети остались, нас не арестовали чисто случайно. Дедушку Хильтова тоже не взяли (у него был рак горла, и он умер 22 апреля 1944 года). В семье дедушки было трое сыновей. Старшим был мой отец — Хильтов Николай Александрович, 1903 года рождения, мама Наталья Ивановна, 1907 года рождения. Дядя Георгий, 1905 года рождения и дядя Сима (Серафим), 1906 года рождения. Дедушка Хильтов жил вдовцом. Бабушка умерла в молодом возрасте от дизентерии. Дедушка Александр жил вместе со средним сыном Георгием. Жена Георгия, Лидия Александровна (до замужества — Волосович), сестра Волосовича Дмитрия Александровича — бывшего директора Краснозвездинской школы. Волосович Д.А. и его жена Татьяна Петровна во время войны были в партизанах. Отец тети Лиды, священник Иодчицкой церкви, был расстрелян фашистами.

Мама и тетя Лида после ареста папы и дяди Георгия никак не могли смириться с этим. Все время верили в их возвращение. А вскоре мы с мамой поехали в Барановичи с целью каким-то образом помочь папе и дяде. Там мы встретили тетю Лиду. Мама с тетей Лидой оставили меня у знакомых, а сами пошли к начальнику СД в Барановичах Островскому, надеялись на его помощь, так как он когда-то был учителем папы в городе Вильно. Но оттуда они не вернулись.

Так мы с Кирой стали сиротами (мне исполнилось тогда 16 лет), стали жить с бабушкой — Новицкой Надеждой Платоновной. Наш дедушка Иван Федорович умер еще в 1929 году. Он был священником Блячинской церкви. До него в церкви служил его дед или прадед по фамилии Волоскович. Под руководством дедушки Новицкого в 1901 году была построена Блячинская школа. За это строительство дедушка был награжден грамотой. Известно, что церковь в Блячине построена в 1626 году. В 1926 году отмечали ее 300-летие. Церковь была построена помещиком Могильницким.

Замуж я вышла в 1960 году. Муж мой — Липинский Андрей Николаевич — племянник Котовского, его мать — Татьяна Андреевна Котовская. Мой дядя — Ефим Федорович Карский — лингвист, академик...»

М.Т. Тычина в 1972 году в журнале “Літаратура і мастацтва”

написал очерк об отце Николае Хильтове “Партизанскі бацюшка”, который основан на воспоминаниях Семена Михайловича Пестунова, бывшего командира разведки партизанского отряда из бригады имени Чапаева, что действовал в годы войны на Копыльщине. Партизан вспоминал, как после удачной диверсии на железной дороге «наша группа — пять усталых от ночного перехода людей — возвращалась на базу в отряд, который дислоцировался в урочище «Поляди» возле деревни Малая Раевка. Занимался несмелый осенний рассвет. Мы не были уверены, что после операции фашисты не организуют погоню. «Поехали в Блячино, к отцу Николаю, — предложил наш командир Миша Шершнев. Обсушимся, позавтракаем, отдохнем, а вечером в дорогу». Мы посмотрели на командира недоверчиво. Миша Шершнев уверенно направил своего коня к гумну, открыл ворота и приказал заводить туда лошадей, а сам, приказав нам подождать, пошел в дом. Вскоре он вернулся с немолодым мужчиной, который оказавшим тенорком пригласил нас в дом, не забыв вспомнить имя Бога, гибель супостата и того, что Всевышний никогда не забудет добрых дел. И все это на ходу, гостеприимно приглашая нас пройти и чувствовать себя как дома.

Только мы переступили порог и огляделись, как наш провожатый крикнул: «Мать, принимай гостей», — и открыл двери в комнату, где мы увидели женщину лет сорока и девочку.

Немного перекусив, мы рассматривали отца Николая. Без ритуальной одежды, в брюках, заправленных в яловые сапоги, в косоворотке, подпоясанной шнурком, он напоминал нам дьяка Гаврилу из художественного фильма «Богдан Хмельницкий».

Таким он остался в памяти спасенных им партизан. На нескольких листах уместилась целая жизнь семьи, трагическая и героическая одновременно. Жаль только, что память о подвиге православного священника долгое время хранилась только в памяти дочерей и в фондах местного музея. К сожалению, нет в Клеуке мемориального знака в честь простого приходского священника отца Николая Хильтова, который избрал свой путь и прошел его до конца, не пожалев для этого жизни. И может быть, памятные знаки, которые появятся с Божией помощью во всех приходах Беларуси, где были священники — патриоты, будут тем малым, что можем мы сделать сейчас в память и благодарность

за их подвиг.

Сотрудничал с партизанами и отец Иоанн Курьян, служивший в одном из приходов Минской области. К нему в дом часто заходил офицер немецкой армии, служивший капелланом, и предупреждал отца Иоанна о готовящихся карательных акциях против партизан, а тот, в свою очередь, передавал сведения связному партизанского отряда Александру Даниловичу Волохоновичу [31].

Священник деревни Латыголь Виктор Бекаревич был связным партизанского отряда имени Григория Котовского в Вилейском районе Минской области, позднее вступил в партизанский отряд имени Михаила Фрунзе, действовавший на территории этой же области.

В феврале 1944 года отец Виктор Бекаревич передал подпольному Молодечненскому РК КП(б)Б и подпольному РК ЛКСМБ 5 100 рублей [45]. Штабом партизанского движения БССР 24 ноября 1944 года отцу Виктору была выдана официальная справка о том, что он был связным партизанского отряда имени Григория Котовского с 1 мая 1944 года по 28 июня 1944 года [45].

Протоиерей Василий Копычко — благочинный Гомельского округа был партизаном партизанской бригады имени Вячеслава Молотова, действовавшей на территории Пинской области.

Протоиерей Виктор Бекаревич.
1980-е годы XX века. Фото из
личного архива автора.

Священник собирал сведения о противнике, организовал среди прихожан сбор одежды, обуви, продуктов питания для партизан. Он распространял сводки Совинформбюро. Отец Василий не только предупредил население о готовящейся карательной акции против партизан, но и ушел вместе с людьми в партизанский отряд [46].

Протоиерей Михаил Скрипка — настоятель Негневичской церкви Лидского благочиния Гродненской области был связ-

ным партизанского отряда имени Вячеслава Молотова [46].

Протоиерей Александр Романушко — настоятель Мало-Плотницкой церкви Пинского района Пинской области неоднократно участвовал в боевых операциях. Он ходил в разведку, был в полном смысле партизанским батюшкой. Летом 1943 года родственники убитого партизанами полицейского искали священника для отпевания покойного. Один священник отказался, а отец Александр согласился. На кладбище была выставлена вооруженная охрана. Все приготовились слушать отпевание. Обведя глазами собравшихся, отец Александр, обращаясь к матери и отцу убитого, сказал: «Не наших молитв и «со святыми упокоения» своей жизнью заслужил во гробе прилежащий. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и старцев... Вместо «Вечной памяти» произнесем же «Анафема» [100, с. 14]. Среди изумленных собравшихся установилась мертвая тишина. Все сказанное священником прозвучало очень смело и могло повлечь за собой его гибель. Но отец Александр, подойдя к полицейским, продолжал: «К вам, заблудшим, моя последняя просьба: искупите перед Богом и людьми свою вину и обратите свое оружие против тех, кто уничтожает наш народ, кто в могилы закапывает живых людей, в Божьих храмах заживо сжигает верующих и священников» [100, с. 14]. Потрясенные полицейские не тронули служителя церкви. Слова священника потрясли и прихожан. Они говорили, что если даже священники взялись за оружие, то им Сам Бог велит идти в партизаны. И на самом деле, вскоре партизанский отряд пополнился новыми членами.

Протоиерей Александр Романушко участвовал в партизанском движении с лета 1942 по

Протоиерей Василий Копычко. 1980-е годы XX века. Фото из личного архива автора.

лето 1944 года. Из его письма, написанного осенью 1944 года митрополиту Алексию, следовало, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55 % в связи с расстрелами многих из них фашистами именно за содействие партизанам [27, с. 43].

Не раз приходилось священникам писать справки о том, что подозреваемые в связях с партизанами люди «глубоко верующие и не имеющие к партизанскому движению никакого отношения». Выдавая такие справки членам сельских советов, работникам советских учреждений, включая и работников советской милиции, священники Михаил Гапоник из деревни Девятковцы Волковысского района Гродненской области, священник деревни Новый Двор Щучинского района Гродненской области Евстафий Балабушевич, священник Владимирской церкви города Гродно Юлиан Миллер спасали жизни не только партизан и подпольщиков, но и их родных [4]. Священник Михаил Гапоник был наказан немецкими карательными органами за фиктивные справки штрафом на 1 000 немецких марок [4].

Следует подчеркнуть, что написание справок было самой распространенной формой помощи населению со стороны православных священников. Священник села Забрэзье Воложинского благочиния Минской области Евстафий Баслык обнаружил в церковном архиве старую церковную медную (для лака) печать с изображением храма с крестами и со славянской надписью кругом: «Забрэзская Свято-Благовещенская церковь». Пользуясь этой печатью, священник выдавал удостоверения о том, что «предъявитель сего, гражданин ..., проживающий в деревне..., что и удостоверяется». Затем отец Евстафий ставил печать и подпись. Священник выдал не один десяток таких удостоверений, в том числе и председателю Забрэзского сельского совета Ивану Васильевичу Ковалевскому, активистам Ивану Стаселовичу и Антону Богуцкому [30].

Более двух десятков подобных справок выдал священник Груздово-Хожово-Полочанского прихода Молодечненского района Минской области Николай Гуринович [3]. Свои действия он объяснял просто: «Я не был всемогущим и всесильным. Я был только одиноким, единственным в своем искреннем желании помочь обреченным людям — единственным, не убоившимся подать свой голос в защиту невинных людей. То, что считал целесообраз-

ным и нужным, в то время я делаю так, как говорило мне мое сердце» [3]. Читая эти строки, представляешь умудренного опытом человека, убеленного сединами. Но отцу Николаю в 1941 году исполнилось только 33 года. Возраст Христа. Николай Матвеевич Гуринович родился в местечке Илия Вилейского уезда в семье фельдшера. В 1918 — 1920 годах учился в Холопенской гимназии Борисовского уезда Минской губернии, затем его родители перевели сначала в русскую гимназию города Вилейки, а затем в 1923 году он стал семинаристом Виленской духовной семинарии, которую окончил в 1930 году. После окончания семинарии молодой человек решил продолжить свое образование и стал студентом богословского православного факультета Варшавского университета, который окончил в 1934 году, получив звание магистра богословия. Сначала отец Николай служил в Люблинском воеводстве, а в 1934 году был переведен в Полесскую епархию, где служил в разных приходах. В мае 1940 года он стал настоятелем Груздово-Хожово-Полочанской церкви. Прошло чуть более года с начала его служения, когда началась война. Невзирая на то, что отец Николай был в то время очень молодым человеком, он стремился максимально облегчить жизнь своим прихожанам. Он писал не только справки, но и прятал у себя в доме беженцев. Не побоялся священник пожаловаться начальнику районной полиции города Молодечно Леониду Косяку на безобразное поведение трех полицейских в храме. К священнику довольно часто заходили партизаны, и это стало известно оккупационным властям. Как говорил отец Николай: «...партизаны мне сказали, раз немцам стало известно, что мы приходили к вам, лучше вы об этом заявите, чтобы избежать тяжелых последствий. Что я и сделал». Недалеко от деревни Полочаны находился лагерь для военнопленных. Для его узников в 1943 году отец Николай проводил сбор продуктов. Летом 1943 года в дом отца Николая пришли пять партизан, четверо ушли, а один остался. В это время в деревню приехали немцы, священник спрятал партизана в погребе до глубокой ночи. Жена священника передавала в партизанский отряд медикаменты. Еще не закончилась война, когда отца Николая арестовали. Это произошло на второй день Рождества, 8 января 1945 года. Предъявили стандартное обвинение — измена Родине и приговорили 30 апреля 1945 года к 20 годам каторжных работ с по-

ражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. Через 9 лет после объявления приговора отец Николай написал на имя К. Ворошилова прошение о пересмотре дела, в котором подробно указал, как именно он помогал не только партизанам, но и своим прихожанам пережить оккупацию. Прошение осталось без ответа. В 1964 году священник вновь пишет жалобу в Главную Военную прокуратуру, и 10 апреля 1965 года дело было прекращено за отсутствием состава преступления. 20 лет, проведенных в заключении, не сломили священника в его стремлении доказать свою невиновность. Справедливость восторжествовала, вот только 20 лет жизни никто не может вернуть. А ведь за эти самые плодотворные годы жизни (33 – 53 года) отец Николай мог бы сделать очень много полезного, в приходе. Но ему выпало нести совсем другой крест, о котором он, как и многие другие, не подозревал, но который пронес с честью.

Прямо ходатайствовали за арестованных по подозрению в связях с партизанами священник Гончарской церкви Лидского района Гродненской области Николай Устинович и священник деревни Олекшицы Берестовицкого района Гродненской области Иоким Лещинский [4]. Не выдал партизанскую связную Елену Шемелевскую отряда Забелина и гродненский священник Федор Выборнов. Елена Шемелевская использовала квартиру отца Федора для встречи со вторым связным [4].

Иногда священникам удавалось спасти население от гибели. Так, настоятель церкви села Светиловичи Гомельской области Иоанн Рожанович, узнав о карательной акции, сообщил об этом партизанам. Карательные акции всегда сопровождались большими человеческими жертвами. Первыми принимали на себя удар старики, женщины, дети, те, кто жил на границе партизанских зон. Это понимало партизанское командование. Было решено для спасения мирного населения послать к карателям церковную делегацию с жалобой на партизан, подчеркнув при этом их значительные силы. Делегация просила карателей «защитить от бандитов». Главой делегации был отец Иоанн, которому удалось убедить карателей в непричастности жителей деревни к партизанам и отступить [100, с. 14].

На окраине деревни Гончары Лидского района Гродненской области в один из дней лета 1942 года завязалась перестрелка.

Испуганные жители укрылись в лесу. Когда партизаны ушли в лес, каратели стали расспрашивать приходского священника отца Николая Устиновича о партизанах. Священник убеждал, что в деревне нет партизан. Тогда немцы повели его под конвоем через все село, предупредив, что если будет хоть один выстрел, то бабку убьют, а деревню сожгут. В злобешем сопровождении отец Николай шел через всю деревню. Выстрелов не было, жители остались живы [4]. Отцу Николаю в ту пору не было и 30 лет. Он родился в 1916 году в слободе Метера Владимирской области в семье белорусов. В 1924 году семья переехала в Лиду, мальчик пошел учиться в Лидское народное училище. В 1927 году Николай становится учеником государственной гуманитарной гимназии имени Карла Хаткевича, которую окончил в 1936-м. В следующем году он становится студентом богословского факультета Варшавского университета, где успел проучиться только два курса. После событий 1939 года вернулся в город Лиду, где работал секретарем Лидского отделения рабочей гвардии, школьным завхозом, директором детской технической станции. Через неделю после начала Великой Отечественной войны Николай пришел в Жировицкий монастырь, где его рукоположили в сан священника епископ Венедикт (Бобковский) с благословения митрополита Пантелеимона (Рожновского). После рукоположения он получил место в Гончарской церкви. Отец Николай был арестован в 1943 году охраной железнодорожного разъезда Лида — Гончары и доставлен в тюрьму в распоряжение немецких захватчиков на южной окраине Лиды. Через трое суток был переведен в Лидскую городскую тюрьму, где находился с 18 августа по 2 сентября 1943 года. Отец Николай в совершенстве владел немецким языком, и допросы велись без переводчика. Священника пытались уличить в связях с партизанами. По словам священника, у него с командиром партизанского отряда была договоренность: чтобы избежать репрессий или доноса соседей, отец Николай мог заявить о приходе к нему партизан после того, как они уходили в лес. Через три часа допроса немцы отпустили священника, но по возвращении домой арестовали вновь и продержали в одиночной камере шесть дней без допросов. Основания подозревать священника были. В 1942 году немцы в Гончарах арестовали отцов партизан — Дайнеко Александра и Митюкевича Казимира. Родственники пришли за

помощью к отцу Николаю. После его заступничества арестованные были освобождены. Священник защищал родителей партизан и не раз за них просил. Куделе Елизавете Юльяновне обещал, что будет ее защищать. На протяжении 1942 — 1943 годов партизаны систематически навещали дом священника. Матушка готовила еду, зная, что партизан нужно покормить. В 1942 году к отцу Николаю пришел Диваюк Степан Игнатьевич и попросил помочь спасти его родственника Дикевича Николая Ипполитовича от расстрела. Втайне от всех священник сходил на отдаленный хутор, сфотографировал Дикевича. Спустя некоторое время отцу Николаю удалось достать документы для своего тезки, и человек остался жив. За связь с партизанами арестовали жителя д. Гончары Кумпяка Виктора Петровича. Отец Николай научил его, как отвечать на вопросы, советовал ни в чем не признаваться. Священник поехал вместе с Виктором на допрос и ожидал его в коридоре. Такое внимание и заступничество со стороны священника спасло Виктора Петровича и от расстрела, и от высылки в Германию. В 1942 — 1943 годах по инициативе священника возле близлежащих к д. Гончары деревень было поставлено пять крестов, чтобы было видно, что местные жители — православные христиане. С осени 1943 года в Гончарах находился немецкий опорный пункт, и священник поддерживал отношения с комендантом Вайттертнером. Именно через него отец Николай по возможности возвращал паспорта, которые немцы отбирали при облавах. В День Победы над гитлеровской Германией в Гончарской церкви состоялось богослужение.

Отца Николая арестовали в 1950 году, обвинили в антисоветской деятельности и сотрудничестве с немцами. Васильев Николай Александрович, в годы войны начальник штаба партизанского отряда «Искра» бригады имени Кирова, на следствии говорил, что отцу Николай помогал партизанам, но связным не был. 14 августа 1950 года отца Николая Устиновича приговорили к 25 годам исправительно-трудовых лагерей и отправили в Воркуту. Затем срок уменьшили до 15, потом — до 10, а затем — до 7 лет. На момент оглашения приговора священнику было 34 года.

Священник села Милевичи Житковичского района Гомельской области Евгений Крокас в период оккупации активно сотрудничал с партизанским отрядом имени Клим Ворошилова,

информировал о передвижениях немецких войск. В 1943 году отец Евгений зачитал своим прихожанам обращение Верховного Совета БССР «К белорусскому народу».

Многие партизаны нуждались в медицинской помощи. Священник Борис Кирик, служивший в деревне Ятра Кореличского района Гродненской области, наряду с духовным образованием имел еще и медицинское — он был фельдшером. Отец Борис под полом своего церковного дома выкопал погреб, в котором устроил госпиталь для партизан на десять коек [25]. Родной брат Бориса Кирика — Павел Кирик был секретарем епископа Афанасия (Мартоса) в городе Новогрудке. Отец Борис выписывал рецепты, а Павел Кирик получал по ним лекарства в городской новогрудской аптеке у знакомого фармацевта, дочери священника Сосиновской. Еженедельно отец Борис приезжал к брату за лекарствами [25]. Для содержания подпольного госпиталя нужны были не только медикаменты, но и добровольные помощники, которые

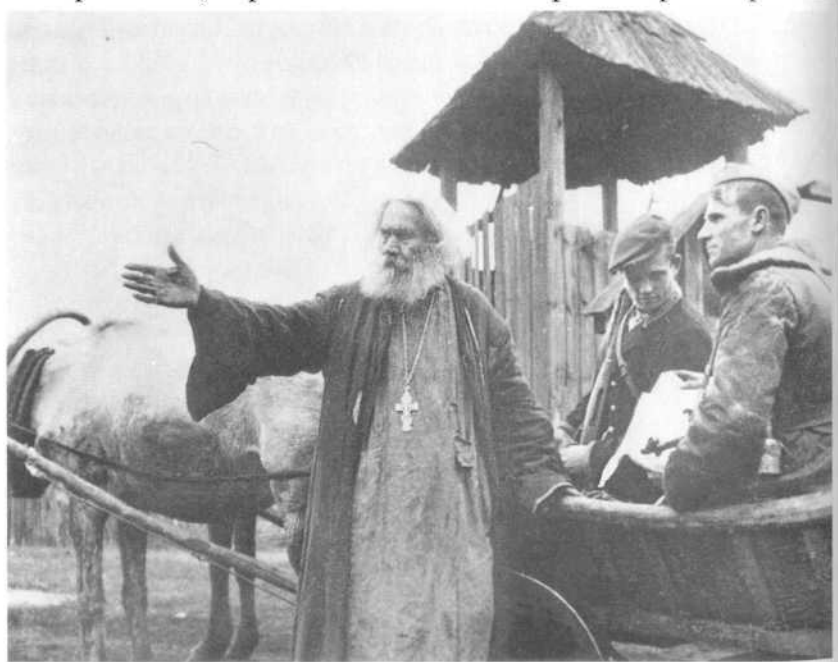

**Священник Евгений Крокас со своими прихожанами в 1943 году.
Фото из фондов Государственного музея истории Великой
Отечественной войны в Минске.**

набирались из прихожан. Это требовало от жителей села Ятры соблюдения правил конспирации, а от священника — таланта организатора и большого доверия к прихожанам. Одного доноса было бы достаточно для гибели всей деревни. Эти факты свидетельствуют о том, что священнослужители, помогавшие антифашистскому движению, имели свою агентурную сеть, о которой практически неизвестно белорусским исследователям.

Война очень резко развела людей по разные стороны баррикад. На каждой из них оказались вольные или невольные участники этой войны. И если священнослужители, помогавшие партизанскому и подпольному движению, подвергались репрессиям со стороны оккупационных властей, то священники, сотрудничавшие с нацистами, опасались расправы со стороны антифашистских сил.

Священнослужителям, которые сотрудничали с оккупационным режимом, партизаны выносили смертные приговоры. По

Священник Евгений Крокас показывает партизанам продвижение карателей. Фото из фондов Государственного музея истории Великой Отечественной войны в Минске.

приговорам партизанских судов были казнены 7 февраля 1943 года священник Борис Мацкевич (город Речица Гомельской области), 21 февраля 1943 года — священник Даниил Кунцевич (приход неизвестен). Некоторые священнослужители, опасаясь мести со стороны партизан, переезжали в другие приходы. Так, в 1943 году после убийства партизанами коменданта немецкой жандармерии Найгарда в деревне Новый Двор Радунского района Гродненской области священник Евстафий Балабушевич, боясь гнева партизан, переехал в деревню Порозово Свислочского района той же области [4].

По имеющимся у нас сведениям, за годы оккупации партизанами были убиты 42 православных священника. Среди них отец Анатолий Серпов, казненный в 1942 году (Поставский район Витебской области, приход неизвестен), священник Вячеслав Малашко, заживо сожженный около городского поселка Бегомль Докшицкого района Витебской области в том же году. Священник Оладко был убит в Восточной Белоруссии в 1942 году (приход неизвестен), священник Антон Калиновский — в приходе Валовцы Горецкого района Могилевской области в 1943 году, священник Николай Скобей — на Полесье в 1943 году. В том же году был расстрелян священник Николай Деруга вместе со своим сыном Вениамином [80, л. 64; 58, с. 116-117]. Партизаны расстреляли отца Николая после оглашения им указа немецких властей об уgone людей в Германию. Оба похоронены в деревне Орля Щучинского района Гродненской области [31].

Известны случаи поджога партизанами церквей и домов священников. Так, в доме отца Сергея Белайца в деревне Явор Дятловского района Гродненской области немцы хотели разместить полицейский гарнизон. Тогда партизаны сожгли дом свя-

Священник Николай Деруга в 1930 году. Фото из личного архива автора.

щенника, а отец Сергей переехал в другую деревню, куда к нему неоднократно приходили партизаны. За март — апрель 1944 года партизаны сожгли церкви в Браславском, Поставском районах Витебской области, в Вилейском районе Минской области [20]. При зачистке территории партизанами была сожжена церковь в деревне Сватки Мядельского района Минской области [58, с. 118].

5 июля 1943 года подорвался на партизанской мине отец Иоанн Кушнер, который поехал на встречу с епископом Смоленским Стефаном, чтобы привезти того в город Минск для решения церковных дел. 8 июля 1943 года отец Иоанн был похоронен на военном кладбище в городе Минске. На похоронах с речами выступили митрополит Пантелеимон, архиепископ Филофей, магистр богословия священник Михаил Севбо, магистр богословия отец Николай Лапицкий и священник Никифор Пыск [14].

Принимали мученическую смерть православные священники и от рук воинов Армии Крайовой. Это формирование придерживалось теории «двух врагов» — нацистов и советских партизан. Репрессиям в Западной Белоруссии со стороны «аковцев» подвергалось чаще всего православное население. В приходе Турейск Щучинского района Гродненской области священник Иван Алехнович вместе с матушкой были замучены польской бандой в 1942 году. Бандиты жестоко издевались над жертвами — отрезали им уши, носы, выкололи глаза, матушке отрезали грудь, жгли огнем раны. В этот приход был назначен новый священник — отец Василий, который был убит на третий день после приезда [58, с. 120].

Иеромонах Лукаш из Жировицкого монастыря получил назначение в приход около города Новогрудка. В 1920 году польские власти сделали этот приход католическим, а в 1941-м он вновь стал православным. В 1942 году «аковцы» схватили иеромонаха Лукаша, закопали его живым в землю по горло, а на голове разложили костер [58, с. 120].

Священник Константин Маевский, сотрудник БНС, погиб от разрыва гранаты, брошенной «аковцами» в его дом в 1943 году.

В деревне Трабы Ивьевского района Гродненской области бандиты предупредили священника Анатолия Кирика, что убьют его. Мотивировали они это тем, что в местном католическом приходе за короткий срок погибли четыре ксендза, а православный священник до сих пор жив. Отец Анатолий срочно выехал из прихода,

на его место был назначен другой священник, который был знаком с ситуацией, сложившейся в Трабах, но служил в приходе так, как требовал его священнический долг. Пастырь был убит «аковцами» в 1943 году. К сожалению, имя этого священника не известно, однако хоронили его и православные, и католики [58, с. 120].

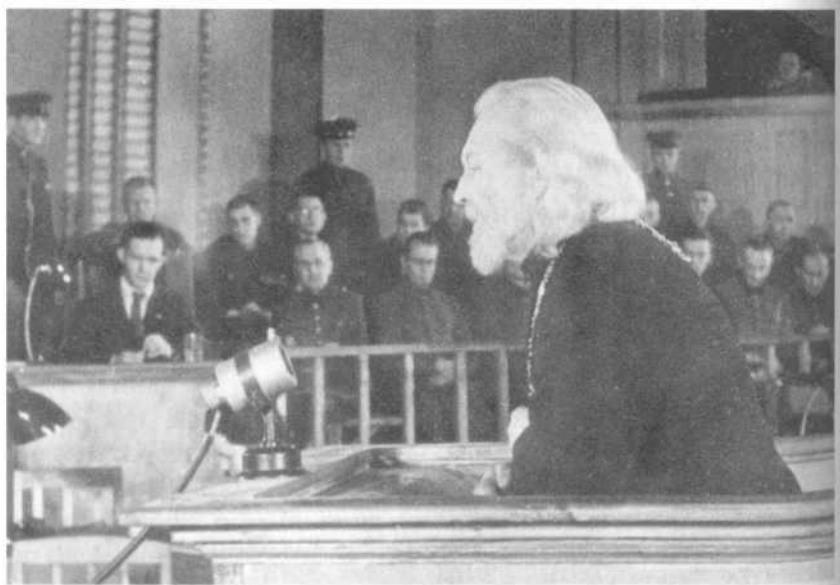
Протоиерей Михаил Леванчук, настоятель прихода в деревне Крево Сморгонского района Гродненской области, в годы оккупации участвовал в белорусском национально-просветительском движении. По его инициативе в Крево была организована белорусская начальная школа, где учителями работали дочь священника Лариса и племянница, которая приехала из Минска (имя неизвестно). Отец Михаил хоронил всех погибших от рук бандитов по православному обряду, несмотря на запрет. Когда «аковцы» подошли к дому священника, отец Михаил попросил разрешения помолиться перед смертью. На глазах дочери и племянницы священника застрелили, а затем убили и девушек. Жертвы были похоронены прихожанами [58, с. 120 — 121].

Любая связь с партизанами жестоко каралась оккупационной властью. Гитлеровцы не только давали разрешения на открытие церквей, но и безжалостно сжигали их, если была замечена связь с партизанами. Так, в Дриссенском (ныне Верхнедвинском) районе Витебской области при проведении карательных акций были сожжены пять церквей [86, л. 22]. В октябре 1943 года в деревне Доры Воложинского района Минской области каратели уничтожили 106 человек, из них 26 загнали в церковь и там заживо сожгли [26].

Такая же страшная участь была уготована и жителям деревни Вулька Лунинецкого района Брестской области. Всех оставшихся в живых сорок семь жителей деревни, включая и семью священника, согнали в церковь. очевидец этих событий Шахнович вспоминает, что в храм ворвались около шестидесяти немцев. Они избивали людей, стреляли по иконам, затем забросали церковь бутылками с зажигательной смесью. «Возвысились десятки живых огоньков, высоко к кресту, сповитому дымом. Поднялся гул, словно где-то далеко звонят колокола. Прошла еще пара минут ада в крике мучающихся, гул огня, и золотистые искры, словно обильный снег, посыпались на пол, а вслед за ними и головы. В выси, в центральном куполе пламя своей огненной косой подка-

шивает покрытые золотом декорации и иконы. Они, заблестев в огне, посыпались вниз. Размещенные на выступах два резных ангела опустились вниз как живые, с распростертыми крыльями, обломав их при падении. Ударившись о пол, ангелы разбились на части. Пониже, на стене, была большая картина «Страшный суд». С переливами падает свет на нее от ярко пылающих стен. Картина была нарисована более ста лет назад. Центральный свод сверху затрещал, заскрипел и рухнул, поднимая свист и гул. Рухнул купол и остатки стен, обнажив трупы замученных. Завершив «акцию» в этой деревне, каратели пошли дальше» [86, л. 72 - 74].

Священник Иоанн Лойко был настоятелем церкви во имя Покрова Богоматери в деревне Хоростово Солигорского района Минской области, которая находилась в партизанской зоне. В 1942 году во время храмового праздника после богослужения о. Иоанн благословил своих сыновей Владимира, Георгия и Александра перед уходом их в партизанский отряд: «Мое оружие на враги Крест святой, а вы будьте богом хранимы и честно служите Батьковщине» [100, с. 7]. В первых числах февраля 1943 года фаши-

**Священник Щасный выступает свидетелем на судебном процессе по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками.
Фото 1946 г. Из фондов БГАКФФД.**

сты силами нескольких полевых армейских и эсэсовских дивизий, усиленных сводным батальоном полицейских, провели одну из крупнейших карательных операций по уничтожению партизан, а в действительности мирного населения. Только в Пинской области в ходе этой операции было сожжено около семидесяти деревень и четырнадцать православных церквей. 13 февраля каратели завершили окружение партизанской зоны. Штаб партизан принял решение не принимать бой, а выходить из окружения с наименьшими потерями. Отец Иоанн остался со своими прихожанами. 15 февраля, в Праздник Сретения Господня, богослужение в церкви началось, как обычно, около шести часов утра. Через некоторое время послышались выстрелы, и собравшимся в церкви стало ясно, что каратели окружили село. Отцу Иоанну передали, что фашисты сказали всем идти в церковь на молитву. Вскоре храм был переполнен, но никого из здания не выпускали. Почувствовав опасность, священник призвал всех присутствующих усердно помолиться и причаститься Святых Тайн. Во время народного пения «Верую» в храм ворвались фашисты и стали силой выводить из церкви молодых женщин и девушек. Отец Иоанн обратился с просьбой к офицеру дать возможность закончить богослужение. Один из эсэсовцев толкнул священника, и тот упал на царские врата. Стоящие вокруг видели, как в двери храма вбивались гвозди, а к погосту подъезжало несколько саней с соломой. Полицейские, которые участвовали в акции уничтожения, свидетельствовали потом, что из уже объятого огнем храма доносилось: «Тело Христово примите, Источника Бессмертного вкусите» [100, с. 7]. Более 300 обугленных тел было зарыто в сожженном селе Хоростово. В одной из могил заживо сожженный священник Иоанн Лойко, крестьянка Анастасия Корж с тремя маленькими детьми, из которых один грудной, семья Константина Козловского из пяти человек, 90-летний дед Данилевич и много других невинных женщин, стариков и детей.

Во время карательных экспедиций в Гомельской области были сожжены церкви в селах Прибытки, Бабищи, Ларищево, Поколюбичи, Скиток Гомельского района [90, л. 20, 21]. В годы оккупации в городе Гомеле захватчики сожгли церковь Рождества Богородицы, вновь отстроенную церковь Александра Невского и собор со всей утварью [90, л. 99].

Полностью уничтожили каратели на Гомельщине церкви в селах Заполье, Заболотье, Старое Село, Кистени, Гадиловичи, Лучине, Турске, Зборове Рогачевского района, городе Жлобине. Многие церкви перед сожжением осквернялись: взрывались полы, разбивались иконы [90, л. 99, 190]. Всего за годы оккупации по распоряжению немецких властей было сожжено 21 церковное здание [95, л. 97].

Все, что находилось на оккупированной нацистами территории Белоруссии, объявлялось собственностью третьего рейха, и гитлеровцы не делали различий между светскими и духовными учреждениями. Если оккупационные власти считали необходимым, то церкви использовали под здания тюрем и концентрационных лагерей для содержания военнопленных.

Так, в селе Романовичи Гомельского района Гомельской области осенью 1943 года в церкви Николая Чудотворца содержались около ста человек [95, л. 20]. В Чечерском районе Гомельской области немцы, разграбив Спассо-Преображенскую и кладбищенскую Свято-Георгиевскую церкви, уничтожив плащаницы и около

**Бывший концлагерь у стен Софийского собора в Полоцке, созданный немцами для жителей Полоцка и области. Фото 1944 г.
Из фондов БГАКФФД.**

двадцати икон, написанных монахами и живописцами Киево-Печерской Лавры в восемнадцатом веке, превратили эти храмы в лагерь для военнопленных [90, л. 207].

В начале войны, летом 1941 года, немецкая воинская часть остановилась возле церкви на Полесье, настоятелем которой был отец Николай Михайловский. Немцы хотели в церкви разместиться на ночлег, а в алтаре сделать канцелярию с женским персоналом. Настоятель запротестовал против такого святотатства и не пустил женщин в алтарь. Разъяренные фашисты накинулись на него, вырвали ему бороду, издевались над ним и после этого застрелили. Труп заставили закопать на месте расстрела. Только через месяц матушка смогла получить от немцев разрешение похоронить отца Николая на кладбище [58, с. 122].

В Жировицком монастыре летом 1941 года было шесть монахов еврейского происхождения. Приняли постриг они давно и пользовались всеобщим уважением. Когда в июне 1941 года город Слоним и поселок Жировицы заняли немецкие войска, монастырь был окружен, всем монахам приказали выстроиться и отобрали из них евреев. Несмотря на просьбы митрополита Пантелеимона (Рожновского), монахов расстреляли на месте [58, с. 122].

Священник Игнатий Ермолюк был арестован немцами за крещение евреев и выдачу им метрик, священника отправили в лагерь, откуда он не вернулся [58, с. 122].

Священник Ходосюк рассказывал: «В Старом Селе немцы вырвали в церкви пол, двери, окна, разбили иконостас, порвали иконы, которые валялись на полу, всю утварь церкви уничтожили» [90, л. 99].

Нацисты в деревне Телещи Гомельского района Гомельской области превратили церковь в отхожее место, а имущество и инвентарь разграбили [90, л. 414].

Если кто-либо из священников был замечен в связях с партизанами, то его ждала смерть. Так, был зверски замучен священник Полоцкой епархии Владимир Назаревский, который сотрудничал с партизанами, а те в благодарность вспахали священнику ночью огород. На следующее утро его арестовали. Был подвергнут аресту и казнен девяностодвухлетний отец Александр Волосович за отказ сотрудничать с оккупационными властями [104].

Нелегко сложились судьбы многих священников-патриотов.

Был угнан в Германию в концентрационный лагерь иеромонах Сергей из Жировицкого монастыря. Судьба его неизвестна [63, с. 274]. Вывезены в Германию немцами в 1943 году священник Михаил Кашеля, псаломщик Раковичской церкви Всеволод Иванович Олехнович [35, л. 92; 36, л. 29]. Известны случаи угона в Германию родственников священнослужителей. В том же 1943 году немцы выслали в лагерь мать и отца жены священника Николая Устиновича [4].

Осенью 1943 года был расстрелян немцами священник Николай Михайловский — настоятель Свято-Кресто-Воздвиженской церкви деревни Рогозна Жабинковского района Брестской области. Против его воли немецкая военная часть заняла храм и устроила там свой пост. Некоторых жителей деревни подвешивали на оконных железных решетках и издевались над ними, въезжали в храм на лошадях. Отец Николай заявил протест высшим немецким властям в городе Бресте. После этого его схватили, заставили выкопать на церковном погосте себе могилу, подвесили

на церковной ограде и избивали, затем чуть живого поставили на колени на край могилы и расстреляли [44].

За связь с партизанами был расстрелян священник Новик с женой и детьми, а также семидесятидвухлетний протоиерей Павел Сосновский. После зверских пыток расстрелян и сорокасемилетний священник Павел Шерба (приходы неизвестны) [58, с.122].

Отец Косьма Раина, настоятель церкви в селе Хойно Жабчицкого района Пинской области, говорил на отпевании казненных фашистами жителей села Невель того же района Пинской области: «Мы верим, что по молитвам Святой церкви они получают со святыми упокоеание, верим, что память о

Могилы протоиерея Косьмы Раины на Серафимовском кладбище города Санкт-Петербурга. Фото из личного архива автора.

погибших сохранится не только в наших сердцах, но и в сердцах тех, кто будет свободно жить на этой земле, где пролита их невинная кровь» [100].

При помощи партизан отцу Косьме удалось уйти в партизанский отряд и тем самым избежать смерти. Протоиерей Косьма был благочинным Пинского западного округа. В годы оккупации он не прекращал богослужений. Как вспоминает его сын, Павел Раина, в начале 1942 года отца Косьму пригласил к себе районный бургомистр и настойчиво потребовал, чтобы в молитвах не было упоминания о здравии московского церковного чиновачалия, а слова молитвы «О стране нашей, властех и воинстве ея Господу помолимся» были изменены следующим образом: «Об освобожденной стране Российской и победоносном германском воинстве Господу помолимся», как и указывалось в циркуляре Пинской духовной консистории [100]. Однако священник в пасхальную ночь 1943 года при огромном стечении народа прочитал обращение митрополита Николая (Ярушевича) к населению временно оккупированной территории. В проповеди, обращаясь к прихожанам, отец Косьма сказал: «..Воля Божия не в постановлениях оккупантов, а в заповеди Господа нашего Иисуса Христа любить друг друга и помнить всегда, что «нет больше той любви, кто душу положит за други своя». Воля Божия не в приказах фашистов, а в призывах родной Русской Православной Церкви к нашим верующим сердцам, чтобы в этот грозный час на ниве церковной как можно меньше было пустоцветов и каждое живое сердце расцветало лучами милосердия к нашим братьям, которые с оружием в руках защищают нашу православную веру и Отечество. Братья! Кто чем может и когда может, помогайте народным мстителям в их добром и великом деле! И главное, все делайте «не воздыхающе, а всегда благодаряще Бога, который видит вся сердечная твоя и воздаст ти сторицей в день последний твой...» [100]. 9 октября 1943 года на рассвете фашисты окружили село Хойно. Отец Косьма был в церкви, ему приказали разоблачиться и следовать в полицейский участок. У священника отобрали документы, сказав, что больше они ему не понадобятся. Отец Косьма понял, что пришел его последний час. Проходя мимо церкви, священник упал на колени и стал молиться, конвоиры, по национальности чехи, увидев, как истово молится священник, отошли в сторону, чтобы не мешать ему. Как вспоминал сам священ-

нослужитель, он не знал, сколько времени длилась его молитва. Когда поднялся на ноги, то увидел, что рядом никого нет. Встав с колен, он перекрестился и ушел в лес. За несколько дней до новогодних праздников командир партизанского отряда имени Кирова Неделин пригласил священника принять участие в новогоднем митинге. Вот как описывает это событие отец Косьма: «...На обширной поляне напротив землянки штаба строились по ротам богатыри-партизаны. Сопровождающий меня начальник штаба, заметив, что я ишу кого-то глазами, понял меня без слов, указал мне на стоящих справа от нас разведчиков, среди которых я увидел своих сыновей Петра и Павла. В неопишуемой радости забилося мое сердце... Начался новогодний митинг... И вот пришла очередь и мне сказать слово: «Дорогие братья, все мы — сыны одной великой Родины, любовь к которой ныне собрала нас здесь встретить наступающий Новый 1944 год. Недалеко тут за нами наши матери, дети и жены, которые ждут от нас защиты от врага, пришедшего отнять у нас хлеб и всех нас превратить в рабов. Но наша летописная белорусская земля всегда была богата чудо-богатырями... Я знаю, что у некоторых из вас есть французские винтовки времен первой Отечественной войны 1812 года. О чем это говорит? Наши прадеды также защищали свой дом и защитили его. Я знаю, что у многих из вас не только немецкие автоматы, но и пулеметы, а это говорит о том, что вы — те же чудо-богатыри, которые в наступающем году, я верю, освободят свою родную землю от фашистской нечисти. И в этом великом деле да поможет нам Бог! С Новым годом, милые и дорогие мои! Последние слова покрылись могучим троекратным «ура»...» [100]. 15 ноября 1944 года командир партизанского отряда имени Кирова Неделин написал характеристику на священника Косьму Раину, в которой указывалось, что он оказывал помощь партизанам, действовавшим в тылу врага, доставлял в партизанские отряды разведанные, призывал население оказывать содействие народным мстителям, проявил себя как подлинный патриот своей Родины.

За связь с партизанами была расстреляна осенью 1943 года немцами семья священника деревни Лаша Виталия Боровского. Его выдала жена помощника старосты Мария Лянгер, которая увидела в доме священника партизан. Не избежала возмездия и доносица. Партизаны ее расстреляли [4].

Священника Петра Бацяна, служившего настоятелем в деревне Кобыльники Мядельского района Минской области, арестовало СД за помощь евреям. Отцу Петру было шестьдесят лет. Над ним жестоко издевались в Минской тюрьме: запрягали в плуг и пахали тюремный огород, травили собаками до тех пор, пока священник не умер. В 1943 году СД расстреляло священника Малишевского в городе Слониме Гродненской области. Протоиерей Павел Сосновский выдавал справки о благонадежности. Во время облавы был арестован человек со справкой отца Павла, за что протоиерей был арестован СД и зверски замучен [58, с. 123].

Погиб и отец Борис Кирик. Его выдал лечившийся в подпольном госпитале человек, который затем перешел в полицию. Кирик погиб, не выдав брата и Сосиновскую [25].

В отдельных случаях священники-патриоты были отмечены правительственными наградами. За заслуги перед Родиной и за личное мужество священник (впоследствии протоиерей, настоятель Свято-Александро-Невской церкви, что на Военном кладбище в Минске) Виктор Васильевич Бекаревич был награжден Орденом Великой Отечественной войны второй степени [99].

За участие в партизанском движении Кузьма Петрович Раина был награжден боевыми медалями «За победу над Германией» и «Партизану Великой Отечественной войны» I степени.

Отец Василий Копычко награжден медалями «За победу над Германией», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» [46].

Заштатный протоиерей Петр Рожанович из прихода села Рухча Столинского района Брестской области за свое служение в годы Великой Отечественной войны, за ту посильную помощь, которую

Священник Евгений Мисеюк.
1930-40-е гг. XX в. Фото из
личного архива автора.

он оказывал своим прихожанам и местным партизанским отрядам, был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» [46].

Священник прихода села Омеленец Каменецкого района Брестской области Евгений Мисеюк (впоследствии протоиерей, ключарь Свято-Духова кафедрального собора в Минске) за патриотическую работу в годы войны получил медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и орденом преподобного Сергия Радонежского.

Маршал Г. К. Жуков лично обращался к о. Евгению с благодарностью за его служение Родине и в знак признания его заслуг прислал из Восточной Пруссии для Свято-Кресто-Воздвиженской церкви села Омеленец три церковных колокола [43].

В 1945 году священник Поречской церкви Пуховичского района Минской области отец Федор Слабухо прислал письмо П.К. Пономаренко, в котором рассказал о своем тяжелом материальном положении. Во время немецкой оккупации отец Федор оказывал партизанам материальную помощь. По прямому указанию П.К. Пономаренко для священника была приготовлена продуктовая посылка, которую лично отвезла заместитель председателя Совета Народных Комиссаров БССР Грекова, одновременно вручив священнику партизанскую медаль [95, л. 4].

В декабре 1942 года митрополит Сергей (Страгородский) обратился ко всем верующим с просьбой о пожертвовании средств на танковую колонну имени Димитрия Донского: «Пусть наша церковная колонна понесет на себе благословение православной

Танковая колонна имени Димитрия Донского. Фото из фондов БГАКФФД.

**Бойцы танковой колонны имени Дмитрия Донского.
Фото из фондов БГАКФД.**

нашей церкви и ее неумолкаемую молитву об успехах русского оружия. Нам же это всем даст утешительное сознание, что и мы не останемся стоять в стороне, что и мы по нашей силе и способности участвуем в святом деле спасения Родины» [102, с. 42].

Денежные средства на строительство танковой колонны перечислялись в местные отделения Государственного банка для передачи их в находящийся в Москве специальный фонд сооружения церковной танковой колонны имени Дмитрия Донского. Одновременно извещалась о пожертвованиях и Московская Патриархия. К июню 1942 года было собрано более 8 миллионов рублей [102, с. 42]. Параллельно шли сборы теплых вещей для красноармейцев, денег на подарки им к праздникам, на уход за инвалидами войны, на воспитание детей военных и на восстановление районов, пострадавших от немецкой оккупации. К концу 1943 года общие взносы Русской Православной Церкви в фонд обороны составили более 300 миллионов рублей. Только за март 1943 года верующие и миряне Белоруссии, эвакуированные вглубь России, и те, кто находился на оккупированной врагом территории, внесли 5400 рублей на строительство самолетов и бронепоезда «Советская Белоруссия» [61, с. 169].

Белоруссия была быстро оккупирована врагом и не могла оказать денежную помощь Красной Армии в полной мере. Однако в период оккупации отмечались единичные случаи передачи денежных средств священнослужителями на нужды Красной Армии через партизанские отряды и подпольные райкомы Коммунистической партии. Семидесятидвулетний священник Яков Слобухо из Гресского района (сейчас Копыльский район) Минской области передал подпольному Гресскому райкому КП(б)Б 200 рублей деньгами и 180 рублей облигациями в фонд обороны страны, о чем было указано в политдонесении секретаря Гресского подпольного райкома КП(б)Б И.И. Пузевича Минскому подпольному обкому КП(б)Б о партийной, массово-политической работе и боевой деятельности подпольщиков в мае 1943 года [29, с. 435]. А 28 июля 1943 года священник деревни Ветлы Пинского района Брестской области, имя которого, к сожалению, неизвестно, передал комиссару партизанского отряда имени Суворова Сергею Чубареву на строительство танковой колонны 490 рублей [46]. Церковная танковая колонна имени Димитрия Донского участвовала во многих боях во время Великой Отечественной войны, снискав славу.

Активная помощь фронту со стороны православной церкви в Белоруссии началась со времени освобождения республики от немецких войск и продолжалась до конца Великой Отечественной войны.

Уже 24 августа 1944 года распоряжением Совета Народных Комиссаров СССР Государственному банку было разрешено открыть епархиальным управлениям и приходам Московского Патриархата текущие счета для хранения церковных сумм и пожертвований [94, л. 8].

Возглавивший после освобождения республики Православную Церковь в Белоруссии архиепископ Василий (Ратмиров) прилагал много усилий для активного сбора пожертвований. Если в период оккупации православное духовенство оказывало фронту прежде всего молитвенную поддержку, то с августа 1944 года началось оказание существенной материальной помощи. К декабрю 1944 года Православной Церковью в Белоруссии было собрано в фонд обороны страны, семьям и сиротам бойцов Красной Армии 4 872 000 рублей [92, л. 140].

19 января 1945 года архиепископ Василий обратился к председателю Совета Народных Комиссаров БССР П.К. Пономаренко с просьбой разрешить открыть церковный завод. В октябре 1944 года при Минском церковном управлении был открыт завод по производству церковных свечей. Открытие его преследовало две цели: удовлетворить запросы церкви в свечах и собрать средства в фонд обороны страны [92, л. 51]. Но в связи с тем, что на территории Белоруссии сохранилось много кустарных мастерских этого профиля, сбыт свечей завода был весьма незначителен. Так, с октября 1944 по январь 1945 года оборотная сумма завода составила 96 000 рублей, из которых 25 000 рублей было перечислено в фонд помощи семьям бойцов Красной Армии и 15 000 — в фонд обороны [92, л. 51]. Архиепископ Василий рассчитал, что если бы завод обслуживал все церкви Белоруссии, то оборотные средства составляли бы не менее 1 500 000 рублей и отчислений в фонд обороны поступило бы не 40 000 рублей, а около 1 000 000 рублей [92, л. 51]. В связи с этим архиепископ Василий обратился к П.К. Пономаренко с просьбой об издании Советом Народных Комиссаров БССР распоряжения о ликвидации всех нелегально существующих свечных мастерских. Он утверждал, что это будет способствовать развитию церковного завода, который выделит немалые суммы в Фонд обороны страны [92, л. 52].

Архиепископ Василий не раз обращался к верующим с посланиями, в которых содержался призыв вносить пожертвования в фонд обороны страны. Это давало положительные результаты. Только за период с 1 сентября по 31 декабря 1944 года духовенством Белоруссии и верующими было собрано деньгами, продуктами и холстом 2 190 473 рубля [92, л. 54]. Из них в фонд обороны страны поступило 1 639 393 рубля и в фонд помощи семьям и сиротам бойцов Красной Армии — 551 080 рублей. Кроме того, лично архиепископом Василием было внесено в фонд обороны 33 000 рублей и в фонд семьям и сиротам бойцов Красной Армии — 75 000 рублей. Благодаря усилиям православного клира было собрано и передано в оба фонда 2 300 475 рублей [92, л. 54]. Это был «первый скромный дар, дар любви к Красной Армии, громящей в настоящее время фашистского зверя в его собственной берлоге», — писал архиепископ Василий П.К. Пономаренко в марте 1945 года [92, л. 54]. Он заверял, что Православная Церковь в

Белоруссии и впредь будет принимать «живейшее участие в оказании материальной помощи Красной Армии в деле окончательного разгрома нацистской Германии» [95, л. 98].

Продолжались материальные пожертвования и в 1945 году. Если за пять месяцев 1944 года (с августа по декабрь) в Брестской области было собрано на военные нужды 140 986 рублей и два фунта серебряных монет, то за январь–февраль 1945 года денежный сбор на нужды обороны составил уже 512 627 рублей и один фунт серебряных монет [95, л. 98].

По Кобринскому благочинному округу (благочинный – протоиерей Ф. Дмитриюк) было собрано 172 073 рубля, по Антопольскому (благочинный – протоиерей А. Мацкевич) – 74 760 рублей, по Высоковскому (благочинный – С. Деков) – 59 032 рубля [95, л. 98, 118]. Кроме того, в значительных количествах поступали зерно, продукты, полотно. Только по Высоковскому благочинию за два месяца 1945 года было сдано 5700 килограммов зерна и других продуктов, 632 метра полотна, 330 единиц разных вещей (рукавиц, носков, шарфов). Всего в разные фонды духовенством и верующими Брестской области было внесено в 1944 – 1945 годах 1 328 580 рублей и три фунта серебра [95, л. 98, 118].

Благочинные Брестской области на своем собрании 15 марта 1945 года, посвященном развертыванию агитационно-патриотической работы среди верующих, приняли решение «неустанно вести патриотическую работу во всех приходах епархии, поддерживая дух бодрости среди прихожан путем произнесения соответствующих проповедей с церковного амвона и частных бесед, располагая прихожан к щедрым жертвам деньгами и натурой на нужды, вызванные войной, как словом, так и в особенности личным примером» [95, л. 98]. Такая установка и позиция православного духовенства наблюдалась на всей территории Белоруссии.

Значительную работу провел священник Толочинской церкви одноименного района Витебской области Абрамов. Им было внесено в фонд Красной Армии 10 000 рублей, в помощь сиротевшим детям – 12 000 рублей. Словенская церковь Толочинского района собрала 8000 рублей, Бешенковичская церковь внесла в различные фонды 17 000 рублей, другие церкви Витебской области собрали от 1000 рублей до 5000 рублей [95, л. 188].

С марта по июнь 1945 года духовенство и верующие Гродненской области внесли в фонд обороны страны 36 484 рубля и сдали натурой 282 килограмма овса, 8 килограммов льна, в фонд помощи семьям фронтовиков и советских партизан было внесено деньгами 12 958 рублей и натурой — на 750 рублей [96, л. 12].

Верующими Барановичской области (существовавшей до 1954 года) было пожертвовано в фонд обороны 65 971 рубль 45 копеек, в пользу сирот и семей воинов Красной Армии — 39 895 рублей, всего пожертвовано деньгами 105 866 рублей 45 копеек [95, л. 59]. Не обходило своей заботой духовенство и раненых, которые лечились в госпиталях. В начале 1945 года православная церковь провела единовременный сбор продуктов для военных госпиталей и для семей военнослужащих. Только в Барановичской области для этих нужд было собрано 2700 штук яиц, 12 килограммов масла, 1865 килограммов ржи, 93 метра холста, 2 килограмма льна и 80 килограммов картофеля [95, л. 59].

Внесли свой посильный вклад в помощь фронту и верующие Пинской области. Она существовала до 1954 года, затем была включена в состав Брестской области. В фонд обороны прихожане совместно с духовенством внесли 101 110 рублей, в фонд помощи семьям бойцов Красной Армии — 51 540 рублей, на строительство и нужды танковой колонны имени Димитрия Донского — 23 953 рубля натурой и в пересчете на деньги — 85 898 рублей [95, л. 110].

Участвовало духовенство и в проведении 4-го Государственного военного займа. Священник церкви Святого Георгия Победоносца города Лиды Евгений Чешик подписался на три тысячи рублей, призвал верующих участвовать в подписке на заем [95, л. 4]. Священник села Олекшицы Берестовицкого района Гродненской области Владимир Беляев подписался на 1000 рублей и внес эту сумму наличными, во время богослужения в церкви поздравил верующих с победой над фашистской Германией и призвал население участвовать в 4-м Государственном военном займе [95, л. 4]. Всего православное духовенство Гродненской области подписалось на 4-й Государственный военный заем и внесло в банк 52 990 рублей [95, л. 12]. Верующие Пинской области подписались на 12 945 рублей [95, л. 110].

Если принять во внимание, что все пожертвования вносились в тяжелые военные дни населением, пережившим оккупацию, то эти, на первый взгляд, небольшие суммы пожертвований становятся своего рода подвигом людей, которые ставили судьбу Родины выше личных проблем, понимая, что в страшной войне нельзя выжить в одиночку.

Священнослужители личным примером призывали население не только к пожертвованиям. Священник Раковичской церкви Щучинского района Гродненской епархии Александр Гоголушко узнал, что в сельском совете, где находится его приход, не выполняется план лесозаготовок. На общем собрании крестьян священник предложил свою помощь и, взяв пилу и топор, поехал работать в лес. Новость быстро облетела приход. Люди вышли на лесозаготовки вслед за священником и перевыполнили план за два дня [95, л. 3].

Священник Спасо-Преображенской церкви села Острино Гродненской области Петр Голосов во время богослужений систематически зачитывал в церкви приказы Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина и знакомил верующих с положением на фронтах и победами Красной Армии [95, л.3].

Тяготы войны и периода оккупации тяжелым бременем легли на плечи населения. Практически не отличались в материальном положении от своих прихожан и священнослужители. После освобождения Белоруссии и до мая 1945 года в различные фонды Православной церковью в Белоруссии, как уже указывалось выше, было внесено около 6 миллионов рублей и три фунта серебра [101].

Кроме денежных взносов православное духовенство подписалось на 4-й Государственный военный заем и внесло в банк 65 845 рублей [101].

Понимая трудности, с которыми столкнулись вдовы и сироты, православное духовенство передало им 7857 килограммов зерна, 725 метров полотна, в пересчете на денежное выражение их помощь составила более 85 000 рублей [101].

Можно сделать вывод, что значительная часть православного духовенства активно участвовала в патриотической работе в 1944 – 1945 годах. Моральная поддержка осуществлялась через их служение Богу и помощь прихожанам молитвой и утешением.

Размеры материальной помощи фронту со стороны православного духовенства Белоруссии были для военного времени довольно значительны и, несомненно, облегчили жизнь многих людей, приблизили Великую Победу.

СВЕДЕНИЯ*
О ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ЦЕРКВЯХ И МОНАСТЫРЯХ,
А ТАКЖЕ НЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЦЕРКОВНЫХ ЗДАНИЯХ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ВССР НА ИЮНЬ 1945 г.

Наименование областей	Действующие церкви и молитвенные дома			Действующие монастыри	Духовные школы	Недействующие церкви		Разрушено церквей
	Патриаршая церковь	Обновленцы	Автокефалысты			всего	на культурно-хозяйственные цели	
Барановичская	98	—	—	1 мужской, 41 монах	—	—	—	—
Бобруйская	36	—	—	—	—	26	22	—
Брестская	148	—	—	—	—	12	—	21
Витебская	28	—	—	—	—	34	11	—
Гомельская	51	—	—	—	—	—	—	—
Гродненская	71	—	—	1 женский, 65 монахинь	—	7	—	—
Молодеченская	44	—	—	—	—	4	—	—
Минская	42	—	—	—	—	—	—	—
Полесская	23	—	—	—	—	1	1	—

* Собраны автором по материалам НАРБ, ф. 951, оп. 2, д. 2, лл. 75, 98, 104, 113, 137, 179; ф. 951, оп. 2, д. 3, лл. 2, 7, 69, 157.

СВЕДЕНИЯ*
О ДУХОВЕНСТВЕ ПО ОБЛАСТЯМ БССР
НА ИЮНЬ 1945 г.

Наименование областей	Служители культа, зарегистрировавшиеся при действующих церквях				Число прихожан	
	епископы	священники	дьяконы	псаломщики	мужчины	женщины
Барановичская	—	102	9	73	нет данных	нет данных
Бобруйская	—	18	—	3	нет данных	нет данных
Брестская	—	121	19	99	нет данных	нет данных
Гомельская	—	21	5	3	нет данных	нет данных
Гродненская	—	70	5	65	нет данных	нет данных
Молодеченская	—	34 и 7 благочинных	29	40	нет данных	нет данных
Минская	1	36	3	14	нет данных	нет данных
Полесская	—	14	7	21	нет данных	нет данных
Полоцкая	—	51	2	—	нет данных	нет данных
Пинская	—	71	17	58	52608	74200
Витебская	—	11	1	2	нет данных	нет данных
Всего	1	556, из них 7 благочинных	97	378	52608	74200

* Собраны автором по материалам НАРБ, ф. 951, оп. 2, д. 2, л. 105; ф. 951, оп. 2, д. 3, лл. 5, 9, 72, 76, 95, 110, 136, 154, 160, 180.

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ БЕЛАРУСИ —
УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

1. Протоиерей Авсиевич Петр Васильевич
2. Протоиерей Бойко Константин Дмитриевич
3. Протоиерей Бекаревич Виктор Васильевич
4. Протоиерей Васильев Борис Антонович
5. Священник Вишняков Евгений Федорович
6. Протоиерей Вольнец Николай Никодимович
7. Священник Жолиерчик Василий Иванович
8. Протоиерей Зеневич Василий Данилович
9. Игумен Митрофанов (Ильин) Николай Тимофеевич
10. Протоиерей Каалинин Серафим Яковлевич
11. Священник Каравашкин Александр Григорьевич
12. Протоиерей Коротай Александр Николаевич
13. Протоиерей Кашеня Михаил Федорович
14. Протоиерей Копычко Василий Данилович
15. Протоиерей Кухарчук Иоанн Никифорович
16. Протоиерей Кумнир Евгений Григорьевич
17. Протоиерей Мозгов Иоанн Иванович
18. Протоиерей Менько Константин Александрович
19. Протоиерей Михейчик Петр Андреевич
20. Священник Новаш Николай Яковлевич
21. Протоиерей Платун Александр Викентьевич
22. Священник Полешко Адам Васильевич
23. Протоиерей Поляк Николай Иосифович
24. Протоиерей Прокопчук Герасим Степанович
25. Священник Ракитский Михаил Тимофеевич
26. Протоиерей Рахлей Александр Григорьевич

* По данным Минского епархиального управления.

27. Священник Ромашко Михаил Петрович
28. Протоиерей Рудько Стефан Моисеевич
29. Священник Савинов Борис Александрович
30. Священник Сазанович Михаил Павлович
31. Протоиерей Семенюк Георгий Георгиевич
32. Протоиерей Серпокрлов Иоанн Дмитриевич
33. Протоиерей Скобей Георгий Николаевич
34. Протоиерей Скрипко Михаил Фомич
35. Протоиерей Столяр Владимир Терентьевич
36. Протоиерей Тимохин Василий Гаврилович
37. Священник Торчило Алексей Адамович
38. Священник Тыновец Михаил Адамович
39. Протоиерей Хмель Дмитрий Петрович
40. Протоиерей Черняк Георгий Петрович
41. Протоиерей Шоломицкий Павел Григорьевич
42. Протоиерей Шпаковский Василий Андреевич
43. Протоиерей Ярошук Семен Андреевич

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. Немецкая политика в отношении Русской Православной Церкви на оккупированной немцами территории СССР // На темы общие и русские. — Нью-Йорк, 1963. — С. 90 — 124.
2. Алексеев В.А. Маршал Сталин доверяет церкви // Агитатор. — 1989. — № 10. — С. 26 — 30.
3. Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.
4. Архив Управления Комитета государственной безопасности по Гродненской области.
5. Баркан В. Простит ли народ // Советская Белоруссия. — 1965. — 7 апреля.
6. Белорусская газета. — 1942. — № 95. — 7 снежня.
7. там же. — 1942. — № 16. — 11 марта.
8. там же. — 1942. — № 39. — 6 июня.
9. там же. — 1943. — № 1. — 7 января.
10. там же. — 1943. — № 97. — 18 декабря.
11. там же. — 1943. — № 15. — 27 февраля.
12. там же. — 1943. — № 23. — 22 марта.
13. там же. — 1943. — № 47. — 27 июня.
14. там же. — 1943. — № 52. — 14 июля.
15. там же. — 1943. — № 56. — 28 июля.
16. там же. — 1943. — № 97. — 18 декабря.
17. там же. — 1944. — № 7. — 26 января.
18. там же. — 1944. — № 15. — 26 февраля.
19. там же. — 1944. — № 23. — 22 марта.
20. там же. — 1944. — № 24. — 25 марта.
21. там же. — 1944. — № 25. — 29 марта.
22. Белорусская старонка. — Віцебск. — 1942. — № 7. — 15 траўня.
23. Bird E. Tomas. Orthodoxy in Byelorussia: 1917 — 1980 // Запісы Беларускага інстытуту навукі й мастацтва. — Нью-Йорк, 1983. — С. 144 — 209.

24. Библиотека Жировицкого монастыря.
25. Библиотека Минского епархиального управления.
26. Вольная праца (орган Слонимского РК КП(б)Б). – Слоним. – 1943. – 12 октября.
27. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в 1927 – 1943 гг. // Вопросы истории. – 1994. – № 4. – С. 43.
28. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т./ Л.В. Аржаева, К.И. Доморада, И.М. Игнатенко и др. – Минск, 1983 – 1985. – т. 1 – 3.
29. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Документы и материалы: В 3 т. – Минск: Беларусь, 1973. – т. 2. – С. 435.
30. Священник Евстафий Баслык. Записки священника Евстафия. – Мн., 2005. – С. 164.
31. Воспоминания А.И. Курьян.
32. Государственный архив Витебской области, ф. 1431, оп. 1, д. 1.
33. там же, ф. 2848, оп. 1, д. 140.
34. Государственный архив Гродненской области, ф. 1, оп. 1, д. 58.
35. там же, ф. 478, оп. 1, д. 10.
36. там же, ф. 478, оп. 1, д. 12.
37. там же, ф. 478, оп. 1, д. 32.
38. там же, ф. 478, оп. 1, д. 52.
39. там же, ф. 478, оп. 2, д. 1.
40. Гісторыя Беларускай ССР: В 2 т./І.С. Краўчанка, Н.В. Каменская. – Мінск: Акадэмія навук Беларускай ССР, 1958. – Т. 1 – 2.
41. Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – т. 1 – 4.
42. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, № кп 14587, Д – 82 – 62.
43. там же, отдел фондов, рапорт на имя Ваадыки от 17.02.48 от прихода Омельянец Брестской области.
44. там же, отдел фондов, сообщение настоятеля Свято-Николаевской церкви села Озяты протоиерея Иоанна Петручука, 27 мая 1958 года.
45. там же, отдел фондов, ф. 8915, н/в 23879-23882.
46. там же, отдел фондов, кп 35687 Д-9851 инв 35687.
47. там же, отдел фондов, кп 63215 20 – 7 - 7.
48. там же, отдел фондов, н/в 71007/1 ш 8, а я 24 А-33-68.
49. там же, отдел фондов, А 33-81 ш 8а, я 24.
50. там же, отдел фондов, А 33-51, ш 10 а, я 19.

51. там же, отдел фондов, А 33-72, ш 8 а, я 24.
52. там же, отдел фондов, н/в 4162, 20 – 8а – 24.
53. там же, отдел фондов, н/в 458720 – 8а – 24.
54. Документы облачают. – Минск: Беларусь, 1964. – 270 с.
55. Дамитрук К.Е. Свастика на сутанах. - М: Политическая литература, 1976.
56. Знамя юности. – 1964. – 31 июля.
57. История второй мировой войны 1939 – 1945 гг.: В 12 т./ Под ред. А.А. Гречко. – М: Воениздат Минобороны СССР, 1975. – Т. 1 – 12.
58. Касяк І. 3 гісторыі праваслаўнай царквы Беларускага народу. – Нью-Йорк: БЦР, 1956. – 190 с.
59. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) /Рэд. У.І. Навіцкі.- Мінск: ВП «Эксперспектыва», 1998. – 340 с.
60. Корзун М.С. Русская Православная Церковь. 1917 – 1945. – Минск: Беларусь, 1987. – 111 с.
61. Котов А. Драма белорусской церкви // Неман. – 1997. – № 1. – С. 155 – 174.
62. Клецкий историко-краеведческий музей, отдел фондов.
63. Мартос А. Беларусь в исторической и государственной и церковной жизни. – Буэнос-Айрес, 1966. – С. 270 – 290; Мартас А. Матэрыялы да гісторыі Праваслаўнай Беларускай Царквы. – Жыровіцы, 2004.
64. Мельников А., архимандрит. Жировицкий монастырь в истории западно-русских епархий. – Одесса, 1964. – 280 с. машинопись.
65. Менская газэта. – 1942. – 7 снежня.
66. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч./М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі і інш. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
67. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 3, оп. 1, д. 1145.
68. там же, ф. 4, оп. 2, д. 146.
69. там же, ф. 4, оп. 29, д. 146.
70. там же, ф. 4, оп. 29, д. 539.
71. там же, ф. 4, оп. 47, д. 19.
72. там же, ф. 370, оп. 1, д. 1.
73. там же, ф. 370, оп. 1, д. 2.
74. там же, ф. 370, оп. 1, д. 3.
75. там же, ф. 370, оп. 1, д. 25.
76. там же, ф. 370, оп. 1, д. 177.
77. там же, ф. 370, оп. 1, д. 305.
78. там же, ф. 370, оп. 1, д. 378.
79. там же, ф. 370, оп. 1, д. 382.

80. там же, ф. 370, оп. 1, д. 386.
81. там же, ф. 370, оп. 1, д. 387.
82. там же, ф. 370, оп. 1, д. 418.
83. там же, ф. 370, оп. 1, д. 433.
84. там же, ф. 370, оп. 1, д. 436.
85. там же, ф. 370, оп. 2, д. 1271.
86. там же, ф. 750, оп. 1, д. 239.
87. там же, ф. 381, оп. 1, д. 2.
88. там же, ф. 384, оп. 1, д. 177.
89. там же, ф. 861, оп. 1, д. 3.
90. там же, ф. 861, оп. 1, д. 6.
91. там же, ф. 951, оп. 1, д. 1.
92. там же, ф. 951, оп. 1, д. 2.
93. там же, ф. 951, оп. 1, д. 3.
94. там же, ф. 951, оп. 2, д. 1.
95. там же, ф. 951, оп. 2, д. 2.
96. там же, ф. 951, оп. 2, д. 3.
97. там же, ф. 3500, оп. 2, д. 1299.
98. Новый путь. – Бобруйск. – 1943.
99. Подуянов М. 60 лет служения церкви // Церковное слово. – 1996. – № 11. – С. 1.
100. Раина П.К. Мы дети одной Отчизны // Слово. – 1989. – № 11. – С. 12 – 15; Раина П. Вместе с чудо-богатырями // Наука и религия. – 1995. – № 5. – С. 7 – 8.
101. Расчеты С.В. Силовой, 1999 г.
102. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. – Издательство Московской Патриархии, 1943. – 99 с.
103. Советская Белоруссия. – 1961. – 9 апреля.
104. там же. – 1965. – 7 апреля.
105. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны /Под ред. А.М. Самсонова. – М: Наука, 1985. – 711 с.
106. Смирнов А. Противники креста Господня // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – № 3.
107. Статут Святой Праваслаўнай Беларускай Аўтакефальнай Царквы // Касяк І. З гісторыі праваслаўнай царквы Беларускага народу. – Нью-Йорк: БЦР, 1956. – С. 173 – 188.
108. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. - Мінск: Беларусь, 1993. – 232 с.

109. Тычына М. Партызанскі бацьюшка // Літаратура і мастацтва. — 1972. — 14 студзеня.
110. Церквы і прыходы Мінска (історыя і сучаснасць). — Мінск: Беларускае праваслаўнае братства трох Віленскіх мучеников, 1996. — 102 с.
111. Шейкин Г. Полоцкая епархия (историко-статистическое обозрение) — Мінск: Беларускае праваслаўнае братства трох Віленскіх мучеников, 1997. — 95 с.
112. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. — Мінск: БелЭн. — Т. 2. — 494 с.
113. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М: Республика, 1995. — 510 с.
114. Цыпин В. История Русской церкви 1917 — 1997. — М: Изд-во Спассо-Преображенского Вааламского монастыря, 1997. — Т. 9, — 832 с.
115. Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935 — 1945 годов (сборник документов). — Москва, 2003.
116. Силова С.В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: Учеб. пособие. — Гродно: ГрГУ, 2002.
117. Кривонос Ф. Житие священикомучеников Минской епархии (1-я половина XX века). — Мінск, 2002.
118. Третий рейх и православная церковь // Наука и религия. — 1995. — № 5. — С. 22 - 23.
119. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 г. «О религиозных объединениях»/Известия ЦИК СССР и ВЦИК от 26, 27, 28 апреля 1929 г. — № 96, 97, 98.
120. Русская церковь на рубеже веков. Юбилейный Архиерейский Собор Московской Патриархии. — Санкт-Петербург: изд-во «Царское дело», 2001. — 319 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛОРУССИИ В 1941—1944	5
ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	20
ПРИЛОЖЕНИЯ	62
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	66